

Дмитрий Протасов

Дорога в один конец

16+

Дмитрий Протасов
Дорога в один конец

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Протасов Д. Г.

Дорога в один конец / Д. Г. Протасов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Обычная история молодого человека, которого волей судьбы забросило в небольшой русский город. И все ему здесь нравится, жить уютно, да еще встретил свою любовь. Милая девушка Наташа легко и быстро вошла в его жизнь. Но счастливой жизни достоин лишь тот, кто "каждый день готов идти за нее на бой". Невероятные события, заставляют героя вновь и вновь искать и находить свою любимую.

Дмитрий Протасов

Дорога в один конец

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ (ВСТУПЛЕНИЕ)

Широкая, глянцевая от солнца полоса дороги мощно рассекала грунт, словно плуг, расталкивая в разные стороны землю, траву и кусты. Постепенно вдали она сужалась, превращаясь на большом расстоянии в подобие стрелы, и, наконец, исчезала за горизонтом. Серое монолитное полотно, подобно стене древнего, но еще вполне крепкого замка, было испещрено множеством отметин, больших и мелких выбоин, ямок и дырочек. Широкое степное пространство, клочки чахлой растительности, небольшие группки деревьев, темная зелень вдоль видневшейся вдали поймы реки и бездонное, темно-голубое, перечеркнутое перистыми облаками небо – все это было лишь антуражем, развернутым вокруг главной мизансцены. Этим главным была дорога. Все здесь крутилось вокруг и около нее.

Широкая эта трасса была похожа на нашу жизнь. Множество людей стремятся одолеть дорогу, пройти ее и достичь таинственного чего-то, что скрывается в ее окончании. Но не всем дано преодолеть этот путь. Миллионы человеческих существ десятками лет движутся в одном направлении, но с неизменно различным результатом. Во многом жизнь самого общества – тоже дорога. Только одним удастся выбраться на столбовой тракт, а удел других вечно плестись по обочине – грязной и пыльной. Тот, кто пробился на трассу, резво рванул дальше вверх и вперед. Тот, кто не смог этого сделать, остался в сторонке – в большом безликом стаде, обреченно ползущем по чахлой траве и ошметкам собственного навоза.

Впрочем, совсем не обязательно, что тем, кто смог выбраться на магистраль и помчался по ней на дорогом авто, будет везти всю жизнь. У них может кончиться горючее, может сломаться автомобиль, а еще они могут попасть в аварию и даже погибнуть. И тогда уныло бредущие по пыльному щебню обочины неудачники, поскребут щетину небритых скул, и с удовольствием помочатся на обломки некогда шикарной тачки, ныне разбитой в хлам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДОРОГА В НИКУДА

ДУРНОЕ УТРО

Второй день стоял густой, почти непроницаемый туман. Было отвратительно тепло и сыро. Влажный воздух неудержимо проникал в квартиры и кабинеты, торговые центры и офисы, лез под одежду, от чего быстро увлажнялась спина, и по ней бежал неприятный холодок. На улицах под ногами не просто журчали ручьи, а бежали целые реки грязной, мутной воды. На проезжей части мокро блестел голый асфальт. На тротуарах еще оставались отдельные пятна вчерашнего снега, а почти всю мостовую занимала густая жижа из снега, песка и соли. Зима уже давно закончилась, но весна, несмотря на апрель, где-то заблудилась и все никак не приходила.

Темные, беременные мокрым снегом тучи ползли по небу, как бесконечный караван огромных выючных животных. Мутное, грустное небо нудно сыпало то крупными снежинками, то мелкими каплями влаги на мокрый город. Глянцево блестели, словно спины дельфинов, мокрые крыши машин, застывших в заторе на проспекте Революции. Испарина легла на витрины магазинов, и тупо пялящиеся на улицу манекены выглядели размытыми. Противно пахло мокрым воробьем от сырых спин в рейсовом автобусе. Эти влажные спины заполнили весь проход и площадку перед дверями.

Скоро мне надо было выходить, поэтому пришлось покинуть теплое – «насиженное» – дерматиновое сиденье и сделать попытку ввинтиться в густую толпу сгрудившихся мокрых спин. Первая попытка, выполненная в вежливой форме, оказалась неудачной. Тогда я начал вторую, более агрессивную, уже откровенно работая плечами и локтями.

Спины активно сопротивлялись, отпихивались и грубо огрызались. Одна злобная пожилая спина просто-таки тряслась от злости. Да так, что от нее во все стороны летели брызги дождевой влаги.

– Куды прешь?! Куды прешь?! – хрипло шипел кто-то мне прямо в ухо.

– Молодой человек, – визжал с другой стороны истеричный женский голос – молодой человек, вы мне ногу отдавили!

– Слезьте с меня, немедленно, – вторил ему другой – сейчас же!

Кто-то пытался вдавиться над сидящими счастливыми, чтобы уступить дорогу, а кто-то наоборот стремился отпихнуться от поручней вглубь толпы, еще более перегораживая проход. Старое, грязное пальто, откровенно вонявшее псиной, вовсе не собиралось быть вежливым. Спина под пальто напряглась, словно ожидая натиска и готовясь его выдержать. Я исхитрился и поднырнул под рукой, отпихнул чье-то мокрое плечо и, вырывая кнопки на своей старенькой куртке, ужом скользнул к дверям. Миг, и я уже скатился с прорезиненных ступенек на мокрую мостовую.

Со злобным шипением двери автобуса захлопнулись, огромные колеса провернулись в грязной жиже и, покачивая стеклянным задом, общественный транспорт укатил дальше. Мне уже давно понятно, почему автобусы называют «Общественным адом». Сегодня стало еще понятней.

Мне осталось уже совсем немного: перейти дорогу и добежать сотню шагов до офиса нашей Компании. Светофор в мою сторону горел как раз зеленым. Я, наверстывая время потерянное утром, метнулся через дорогу. И тут зеленый погас. Тогда я окончательно понял, что сегодня не мой день! Своего рабочего места в нашей компании я достиг еще минут через пятнадцать – мокрый от пота, грязный от мутной жижи, которой меня окатили и одолеваемый тоскливыми мыслями о собственной никчемности.

Работал я в небольшой консалтинговой компании. Мы консультировали предпринимателей, руководителей организаций, ипэшников по вопросам охраны труда, добровольной сертификации качества, противопожарной безопасности, обучали охранников и частных детективов и помогали им получать официальные лицензии. Брались даже за Специальную оценку условий труда. Но посетителей все равно было немного и нам – пяти менеджерам, двум программистам и сисадмину, приходилось отстаивать каждого клиента от захвата другим сотрудником. Чаще контакт заканчивался на телефонном звонке. Как у нас говорили, 90 % звонков были «холодными».

На утреннюю планерку у шефа я, разумеется, опоздал. Когда пробегал через операционный зал, Люба Конева мстительно прошипела мне вслед: «Получиш-ш-шь». Наш офис-менеджер Конева была неглупой и незлой женщиной. И даже не страшной, но очень сильно озабоченной созданием своей семейной жизни. Однако, все никак не могла дождаться своего суженого. Видимо, потому что имела очень завышенные требования к потенциальному отцу своих будущих детей. А я однажды имел неосторожность сказать при ней: «одна девушка ждала-ждала принца, а дождалась только почтальона, который принес ей первую пенсию». С тех пор она стала моим заклятым врагом.

Я приоткрыл дверь и увидел десять пар глаз, с нездоровым интересом уставившихся на меня. Извинившись и сумбурно объясняя причины своей задержки, я протиснулся к свободному стулу в углу офиса. Директор величаво поднялся со своего монументального кресла и впери в меня грозный взгляд. Нашего директора и владельца фирмы звали Аностас. Но за глаза все его называли Иконостас.

– Эй, Денис, – вдруг вперился в меня взглядом Аностас Григорьевич – а чего это ты такой помятый? – и еще более грозно – И припухший! И глаза красные! Ты что бухал опять все выходные?

– Нет, – коротко ответил я.

В принципе, можно было на этом и остановиться. Шеф буркнул бы что-то неодобрительное себе под нос и отвлекся бы на кого-нибудь другого. На следующую жертву, так сказать. Но сдержаться я уже не смог. Я никогда не бухал беспробудно по выходным и слово «опять» здесь было совершенно неуместно! Словом, раздражение от неудачного утра не дало мне смолчать.

– Я не бухал, – подчеркнул я. – Я по работе скучал – твердо и тщательно выговаривая звуки, произнес я прямо в спину, успевшему отвернуться Аностасу. Одновременно в кабинете все как-то умолкли.

Шеф замер на полушаге и медленно развернулся ко мне. В глазах у него появился нехороший хищный блеск, но я уже не мог остановиться.

– Скучал, – повторил я и закончил – и плакал!

В помещении повисла тягостная, зловещая тишина. У шефа на лице отразился сложный мыслительный процесс. Все остальные замерли, не зная, что им делать и чего ожидать от начальства, звереющего на глазах.

– Плакал, значит? – Наконец, с трудом выговорил Аностас. Голос его был тих, но глубоко наполнен неизъяснимой язвительностью.

– И как, горько?

– Ну, почему же горько, – печаль моя была светла!

– А без премии твоя печаль будет светлой или темной? – вкрадчиво поинтересовался шеф.

– Все равно, светлой, – почти ласково ответил я и пояснил – Потому что очень работу люблю!

ВЫБРОШЕННЫЙ ИЗ ЖИЗНИ

Наверное, нет особой необходимости объяснять – меня уволили из фирмы, где я проработал почти четыре года. Причем не просто уволили, а вышибли вон, без всякого выходного пособия. Вышибли и бешено хлопнули, закрыв дверь за моей спиной.

Так я стал безработным. Не скажу, что это меня совсем убило. Зато не сделало сильнее. В конце концов, от Иконостаса определенно нужно было уже отдохнуть. Денег, правда, у меня было мало. Два дня назад был аванс, так что на первое время средства были. Что-то у меня хранилось дома, в старой деревянной шкатулочке, валявшейся на антресолях. Словом, пока проживу. А вот что будет дальше, даже думать не хотелось...

Я отшвырнул опостылевшую книгу в угол, встал с дивана и побрел на кухню. В седьмой раз за сегодняшний день я заглянул в холодильник и в очередной раз убедился, что он девственно пуст. Я всячески убеждал себя, что человек может очень долго обходиться без приема пищи. Но есть все равно хотелось.

Вернулся в комнату и взялся выставлять сегодняшнее число на старинном настольном календаре. Это была забавная безделушка, оставшаяся от моих давно ушедших родителей – металлический настольный календарь. Никелированная вертушка размером с колоду карт на массивной подставке. При повороте вокруг оси, карточка с текущим числом шелкнув опускалась вниз, а ее место занимала следующая. Карточек было 31 штука. Поэтому если в месяце было меньше дней, то надо было прокручивать дополнительное количество раз. Повертев минуту – другую, то же отставил.

Первые три-четыре дня я пытался заниматься какими-то домашними делами. Провел генеральную уборку в своей старенькой двушке. Отремонтировал давно оторвавшуюся дверку

на антресоли древней мебельной стенки. Еще я старался готовить для себя вкусные обеды и ужины. Потом кончились продукты и желание готовить. Пробовал читать, но книг у меня было всего две: «Таинственный остров» Жюль Верна и «Три мушкетера» Дюма, и я уже знал их наизусть.

Всего месяц назад я расстался со своей девушкой Алисой. Если быть полностью откровенным, то это она рассталась со мной. И мне было не совсем понятно, почему это произошло. Мы, как будто особенно и не ругались. Как бы там ни было, но я был совершенно один. И не было рядом никого, кто заставил бы меня приняться более активно за поиски новой работы. Я все еще был в легкой обиженной грусти, в связи с разрывом с Алисой. Мне сейчас очень хотелось себя немного пожалеть. Впасть в аристократическую депрессию, так сказать. Поэтому я лишь озаботился созданием своего резюме, украсив, разумеется, в нем свои деловые качества, и поискал фирмы с аналогичными видами деятельности.

Разослав в несколько десятков фирм свое резюме, я на том и ограничился, а сам некоторое время увлеченно рубился в компьютерную игру, но затем и в Интернете у меня закончились средства. Так же как и на телефоне. Еще через неделю я понял три важные вещи. Первое – деньги это очень важный компонент жизни современного человека. Второе – без денег прожить практически невозможно. И третье – они у меня кончились.

С этого момента – приблизительно через пару недель после увольнения – время для меня, словно остановилось. Оно не просто замерло – оно умерло! Стрелки на часах остановились и подло за мной подсматривали. Порой мне казалось, что стоит мне отвернуться, как они начинают двигаться. Но едва я поворачивался, чтобы вновь взглянуть на них, два стрелки молниеносно отпрыгивали назад и застывали, как притворившийся мертвым жучок, которого застигла на открытом пространстве птица.

Я совершенно не знал, что мне делать и чем заняться. Вспомнил, как в детстве, клеил домики и крепости из спичек и решил убить время этим же. Но достаточно количества спичек дома у меня не оказалось. А покупать еще этого горючего строительного материала в то время, когда у меня не было денег приобрести еды, мне показалось верхом неосмотрительности.

Думаю, любой со мной согласится – в жизни каждого человека рано или поздно наступает такой момент, когда он начинает рационально и отстраненно оценивать всю свою жизнь. Но мне – двадцативосьмилетнему шалопаю и раздолбаю, до сих пор не обремененному семьей, это пока явно не грозило. Поэтому бесконечные часы, проведенные в одиночестве, рождали у меня мысли, но не о смысле жизни. Это были мысли о том, где раздобыть много денег. Как достать оружие и отомстить. И еще мысли о себе – любимом, и о том, как меня страшно обидели. Но хуже всего было ночью.

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Ночь погружала в темноту и будила желания. Она будоражила мысли и рисовала заманчивые картины. Она тревожила! Она не давала мозгу успокоиться, чтобы можно было заснуть. Скомканная подушка казалась раскаленной. Во мраке темной комнаты мерещились и чудились давно забытые и совсем новые образы. Тени соблазнов бродили рядом со мной. Я вставал с дивана, подходил к окну и смотрел вниз – куда манила неизведанная чернота почти не освещенного двора. В тени деревьев, под майской Луной, на скамейке угадывались очертания парочки, выбравшей укромное, уединенное место. В моем воспаленном мозгу начинали рождаться неумные фантазии. Например, после какого поцелуя парень перейдет к более решительным действиям. Или, скажем, есть ли трусики на девушке или нет.

Тишина и мрак заняли всю мою тесную квартирку. Они оккупировали прихожую, кухню и гостиную. Только в маленькой спальне, где на смятой постели сидел уставший, затравлен-

ный зверек, тускло горел тяжелый, бронзовый советской эпохи торшер. Мне хотелось плакать, хотелось кричать, хотелось спросить кого-нибудь, что мне делать дальше...

И тут громкий звонок в дверь расколол тишину, словно молоток зеркало. Осколки брызнули во все стороны, проникая в каждый угол. Я вскочил, как ошпаренный – так неожидан был этот звук в тишине ночной, безмолвной квартиры. Палец безошибочно нашел кнопку и включил верхний свет. Потревоженные тени обиженно убралась под стол, за телевизор и за кресло. Новый звонок взорвался в прихожей. Он метко нанес удар по моей черепной коробке и гулко отдался где-то в мозжечке.

– Какого..., – громко заорал я, подходя к двери.

Надо признаться, что в глубине души я был даже рад. Наконец-то, кто-то обо мне вспомнил. Третий звонок – требовательный и беспардонный, загремел на весь дом, когда я уже открывал замок и распахивал дверь. Я ее распахнул решительно и широко, приготовив заранее несколько крепких словечек по поводу неких психически нездоровых людей, бродящих в ночи. Но затем фраза из ненормативной лексики вдруг замерла на моих губах.

Передо мной стоял Анастас...

Выглядел он отвратительно. Он был измучен, блестел от пота и с трудом держался за косяк моей двери. Одежда была вымазана какими-то пятнами. От него тяжело пахло словно бы смесью сена, чеснока и сгоревшей проводки. Я раскрыл рот, но даже не знал, что сказать. Мне вдруг подумалось, что он сейчас отдышится и как гаркнет: «Ну, что, ты готов к новым трудовым свершениям?» Но этого не произошло.

– Денис, мне нужна твоя помощь.. – выдавил шеф с трудом.

– Моя!? – Опешил я, разинув рот.

Директор моей (бывшей моей) фирмы с трудом встал в проеме двери, отстранив меня. Анастас тяжело дышал. Под глазом у него отчетливо виднелся синяк. Волосы были всклокочены и стояли дыбом. Мне в голову пришла совершенно дикая мысль, что шефа избил и ограбили на темной ночной улице. А теперь ему некуда пойти.

– А какая, Вам, помощь нужна, – с трудом промямлил я.

– Мне очень надо, чтобы ты взял у меня один пакет и срочно уехал из города.

– Вот так вот, просто – взял и уехал.

– Денис, – простонал Анастас – у меня нет времени. Я умоляю тебя.

– А-а-а-ностас... Григорьевич, – промычал мой онемевший язык, – а почему именно я?

Что никто другой...

– Больше никому...

– ?

– Ты уже не работаешь в конторе. К тебе не придут. По крайней мере, сразу.

– Кто не придет?

– Они... И живешь ты один. У тебя нет родителей. У тебя нет семьи. Это очень важно и удобно. Поэтому твой отъезд никого не беспокоит и никому не будет заметен. И искать тебя не будут.

– Кто не будет меня искать, – взорвался я.

– Позволь мне войти, – жалобно попросил Анастас.

Только теперь я заметил в его руке небольшой увесистый пакет...

– И могилу мою искать никто не будет, – съязвил я.

– Де-е-енис!

– А на чем ехать прикажете? На почтовом дилижансе, – снова не удержался я, чтобы не съязвить.

Иконостас молча протянул мне ключи от машины...

В БЕССМЫСЛЕННЫЙ ПУТЬ

С собой я взял хороший складной нож, набор отверток и фонарик, а так же пару футболок, спортивный костюм и чистые носки. Даже не знаю, как выглядели со стороны мои торопливые, судорожные и бессмысленные сборы в дорогу. У меня еще так не бывало. Я не знал, что это за дорога, я не знал, что меня в ней ждет, я не знал, зачем я еду. Но, в жизни так случается. Бывает, что ради дружбы, ты идешь на выручку товарищу по первому его зову, даже не зная, что он натворил. Даже не зная, а прав ли он сам! Но, Аностас!? Что заставило меня согласиться, я не знаю. Наверно, это была сама Судьба.

Аностас Григорьевич говорил мне что-то еще. Что-то долго объяснял, рассказывал. Он, как будто, даже не уговаривал меня. Вроде бы как, я должен был выполнить некий долг. Собираясь я словно в тумане, поэтому слушал его невнимательно. Отложилось только одно, какое-то странное научное слово – «Бифуркация». Уж не гипноз ли применил ко мне чертов Иконостас?

Машина была дрянь – старенькие «Жигули» – «Шестерка» не броского кофейного цвета. Но она ездил! А вскоре я убедился, что она очень даже прилично ездил. Бросив свою дорожную потрепанную сумку на заднее сиденье, я вдруг почему-то передумал и переложил ее в багажник. Двигатель завелся с пол-оборота и мягко по-звериному заурчал. Когда я придавил педаль акселератора, то с приятным изумлением обнаружил, что стрелка тахометра лихо очертила дугу почти по всему циферблату. При этом движок не взревел, как сумасшедший и не взвыл от перегрузки, словно это была совсем не старая жигулевская классика. Как же хорошо все-таки, что я несколько лет назад отучился на автокурсах и получил права водителя.

Шестерка выбралась из темного двора, преодолела пару улиц и вышла на проспект. А дальше весьма уверенно набрала приличную скорость. Через пару километров меня ожидала транспортная развязка, откуда был прямой путь на выезд из города. Но незадолго до нее, произошло странное происшествие с дорожно-патрульной службой.

На обочине виднелся автомобиль. В темноте он казался иномаркой. Рядом крутился гаишник, а второй с четырьмя звездочками на погонах уже поднял перед моей машиной свой полосатый жезл в характерном гибедедешном «приветствии». Я счел, что произошла авария, и я нужен в качестве понятого, поэтому сразу остановился. Но что-то меня насторожило, поэтому двигатель я не заглушил и из машины не вышел. Полицейский неторопливо (как все гаишники – это у них фирменное) подошел к «Шестерке».

– Вы не могли бы выйти из машины, – спросил инспектор, наклоняясь к моему полукрытому окну.

– А что случилось-то, – поинтересовался я?

– Эй, да ты чё? Не напрягайся ты так, чувачок! – довольно странно зазвучали слова гаишника.

– Я и не напрягаюсь, – буркнул я.

Я уже потянулся к ручке, чтобы открыть дверь и слегка наклонился. И тут, в свете фар проносившейся мимо автомашины, я вдруг краем глаза заметил, что в руке у «гаишника» появился пистолет. Медленно-медленно он вытаскивал своего «Макарова» из кобуры.

– Ты уже приехал, чувачок, ты мой плешивый! – странно и почти ласково проговорил таинственный незнакомец в форме.

– Что-что? – переспросил я, выжимая сцепление и втыкая скорость.

– Эй, да, ты чего сегодня такой серьезный? – продолжал шутить капитан.

И тут я отпустил сцепление и со всей дури вдавил педаль газа в пол. Движок резко взвыл, а машина вдруг ракетой прыгнула вперед и помчалась стрелой по улице. Я еще успел услышать матерный крик, а в зеркало заднего вида разглядел псевдогаишника, поднимающего пистолет, и яркую вспышку выстрела. Но пуля прошла мимо, а моя Шестерочка, выдала мгновенно набранные 150 км/час и через минуту была очень далеко.

Кто это был – наемники или оборотни в погонах, я не знал. Да, и знать особо не хотелось. Не очень было понятно, что они хотели от меня. Больше всего походило, что меня хотели просто «грохнуть»! Веселое начало путешествия, отметил я, резво сворачивая с проспекта. Теперь меня не найдут! Еще десять минут, и я стремительно покинул бранный Воронеж, а в свете жигулевских фар лишь мелькали один за другим километры пустынного асфальта.

ГРОЗА

Рассвело. Поднялось солнце. Наступил теплый солнечный день. Вот уже несколько часов я мчался по достаточно хорошему асфальту на восток. Между тем, небо стремительно стали заволакивали огромные черные тучи. Они неслись по небу с чудовищной скоростью. Сизо-черная кайма облачности стремительно надвигалась с юга, как орда бесчисленных кочевников, пошедших в сокрушительный набег на оседлых земледельцев. Гром сначала донесся издалека, как рокот водопада. Затем он нанес сокрушительный удар, так что сама земля содрогнулась, а потом он уже гремел не умолкая.

Удар молнии почти рядом с дорогой высветил каждую грязную точку на ветровом стекле. А следом потоки воды с небес обрушились, скрыв даже лесополосу вдоль дороги. Асфальт трассы оказался весь укрыт сплошным водяным покрывалом. Оглушительный раскат грома, от которого внутри тела все содрогнулась, ударил меня со всех сторон. Дальше машину я вел, практически на автомате. Временами ливень немного ослабевал, словно набирался сил, а затем снова обрушивался на землю с неистовой силой. Даже не знаю, дождь гнался за мной и нагоняя избивал нещадно, или же я тащил эту сумасшедшую тучу и бешеную грозу за собой.

Удары грома и полыхание молний следовали друг за другом непрерывно. Вот вновь свирепый разряд молнии, похожей на жуткий волшебный цветок. И снова разряд. И еще один. Бросок автомобиля заставил меня с ужасом подумать, что меня, вероятно, смыло с дороги. Ощущение того, что меня куда-то выбросило, было абсолютно реальным.

Но вскоре все стихло. Небо почти мгновенно очистилось – вновь светило ласковое майское солнышко, стоявшее в самом зените. И вновь дорога стелилась под мои колеса. Правда, выглядела она несколько по-другому – словно бы постарше. Как если бы я ехал по ней куда-то в прошлое. Моргали в боковое стекло мелькающие ветки деревьев. Их чередовали встречающиеся реже километровые столбы. Дорога сама текла под колеса. Машина заглатывала ее километр за километром, урча двигателем, пережевывала и выплевывала назад через трубу глушителя. Я несся куда-то по-прежнему на восток, уже совсем не понимая, где нахожусь.

Асфальтовое полотно вильнуло налево, обежало группу огромных вековых дубов и снова вернулось правее. Хорошо, что я снизил на повороте скорость. Когда машина вырвалась из темного туннеля под густо смыкающимися дубовыми ветвями, почти перед бампером вдруг оказался человек. Я резко затормозил. Завизжали тормоза, и автомобиль остановился с заглушим мотором.

Прямо посреди дороги на кресле странной конструкции сидел, спиной к подъехавшей к нему автомашине, человек. Сидел он спокойно, без малейших признаков тревоги и даже не шевелился. Я несколько секунд оступело посидел, приходя в себя. Потом вылез из машины и медленно подошел. «Может он уже мертв?» – мелькнула в голове дурацкая мысль. Немолодой мужчина, казалось, спал. Я медленно обошел жилистое изможденное тело в фуфайке, возлежавшее на инвалидной коляске.

Но вот его глаза медленно открылись – тусклые и бесцветные – они смотрели, словно сквозь меня. Правая рука, лежавшая на коленях, медленно, плавно опустилась, подобно ползущей змее, вниз. Оказывается прямо на асфальте, рядом с креслом стояла початая бутылка водки, тип «поллитра». Правильнее сказать, полупустая бутылка. Мужик тряхнул неопрятной

теплой кепкой неопределенного возраста, заторможено взял бутылку, и медленно подняв до уровня головы, сделал внушительный глоток.

Бутылка тем же неторопливым путем вернулась на асфальт. Незнакомец удовлетворенно икнул, а глаза его стали более осмысленными. Наконец, они сфокусировались на стоящем перед ним человеке.

– Ты...э-э-эт-то... кто? – с трудом, наконец, произнес инвалид.

– Я-то? Да, Оби ван Кеноби! – бодро ответил я ему.

Мужик кивнул, поскреб нечесаную голову и пробормотал себе под нос никогда неслыханное странное имя. Немного подумал и молча протянул мне свою «поллитру». Я отрицательно покачал головой. Счастливая улыбка раздвинула щетину на заскорузлом лице. Сделав еще один глоток, мужик поставил бутылку обратно на асфальт и вопросительно уставился на меня.

– Слушай, – с трудом выговорил он – а как там с нашим вступлением в ВТО? Приняли они нас, суки, или еще нет?

– Не знаю. – Честно ответил я, подивившись интеллектуальному развитию алкоголика. Затем и сам спросил – Ты, что здесь делаешь?

– Я-то? О-о! А я здесь культурно отдыхаю! – гордо, почти не запинаясь, ответил он мне.

– Так далеко от жилья? А почему на дороге?

– Почему далеко, – удивился мужик, – здесь же рядом Дом Престарелых.

– Какой Дом? И где, здесь рядом? – теперь уже удивился я.

– Да, это, вот ...сто шагов, – наконец, выговорил он.

– Он, что прямо в лесу?

– Ну, да! А чего такого-то? – опять изумился мой собеседник.

– А село хоть какое-нибудь здесь есть?

– Зачем село? Тут рядом целый город. Ты, это, – мужик помолчал, подбирая слова – почему-то подъехал к нему с другой стороны. Отсюда к нам никто не приезжает!

Объехав пьяницу, я тронулся дальше. Действительно, буквально через сотню метров из-за леса вынырнуло большое, квадратное в плане, двухэтажное здание из белого кирпича, окруженное садом и кольцевой асфальтовой дорожкой. Вокруг слонялись подозрительные люди, как женщины, так и мужчины. Немного выждав и понаблюдав за ними, я поехал по ухабистой дороге с остатками асфальта дальше.

Проехав пару километров через лес, оставив слева огромное кладбище, а справа пустырь, над которым курилась зловонная дымка, я, наконец, въехал в город. Начинаясь он с беспорядочно насыпанных по склону пологого холма белых пятиэтажек. Их было, наверное, не менее нескольких десятков. Однообразные, как две капли воды похожие друг на друга, коробки изда- лека казались грудой детских кубиков. Среди них одиноко вздымалась единственная девяти-этажка. Справа высились цеха какого-то завода.

Дорога, постепенно превратившись в улицу, вела меня все дальше и дальше вглубь города. Оставив справа огромные, закопченные корпуса какого-то завода я оказался в самой гуще одноэтажного частного сектора. Улица, хотя и асфальтированная, все равно казалась сельской. Около некоторых домов в мусоре и пыльной траве рылись куры. На одном из домиков я увидел табличку с названием улицы: «Победа Разума». Но вот дорога вновь расширилась. После ее поворота я уперся в неожиданное препятствие. Шлагбаум перегородил хорошую бетонную дорогу – вероятно, закрытый объект. В советское время такие дороги из бетонных плит подходили обычно к военным базам и аэродромам. Я покрутился рядом, но меня прогнали полицейские – три здоровых мужика в черной форме и с большими резиновыми дубинками. Они пообещали намять мне бока, если еще раз здесь увидят. Я им почему-то поверил и не замедлил ретироваться.

Еще здесь ко мне привязался какой неуклюжий, лохматый парень с фотоаппаратом. С его слов, он был репортером местной газетенки. Он как-то сразу догадался, что я приезжий и начал кланчить у меня интервью. Я был вынужден дать ему клятвенное обещание рассказать о себе все-все, но чуть позже. Словом, с трудом отвязался. Но надоедливый фотограф всучил-таки мне свою визитку, где было написано «Владимир Марочкин – фото людей и животных, любого размера». Сев снова в «Жигули», я двинулся дальше по направлению к центру. Вскоре я преодолел железнодорожный переезд и, по-видимому, с окраины, наконец, попал в сам город.

Улицы города были довольно однообразны. Все прямые, все относительно широкие, с очень большим количеством зелени. Целые аллеи каштанов, кленов, тополей тянулись вдоль многих улиц на всем их протяжении. Кое-где перед домами росли яблоневые деревья, сливы, вишни. Было много сирени. Целые заросли ее местами полностью отгораживали тротуары от проезжей части. По правде сказать, тротуаров-то почти никаких и не было. В лучшем случае перед домами самими хозяевами были замощены площадки. Где шлаком, где отсевом, где битым кирпичом. Местами попадались и небольшие асфальтовые пятна. В конце концов, я бросил машину на площадке перед кинотеатром и пошел дальше пешком.

МАКС

На какой-то улице, прямо на меня, из неожиданно открывшейся калитки, выскочил подросток – мальчик лет двенадцати. Черноволосый мальчуган в застиранной и вылинявшей футболке и шортах грязно-желтого цвета. Я остановился от неожиданности, а паренек, буквально наткнувшись на меня, вздрогнул и отшатнулся назад в замешательстве. Впрочем, следом за ним с криком выскочила включенная женщина в цветастом халате. Она явно собиралась ответить мальчишке затрещину, но, увидев меня, остановилась. А подросток, мгновенно сориентировавшись, бросился ко мне.

– Конечно же, я вам покажу, как туда пройти, – затараторил он, крепко вцепившись в мою руку.

– Э-э, хорошо, – промямлил я, глядя прямо в умоляющие серо-зеленые глаза мальчика – пойдем, а то я тороплюсь.

Мы немедленно пошли по улице вдоль бесконечного серого забора, по верху которого тянулась одна нитка колючей проволоки, местами прихваченная ржавыми гвоздями. Вслед донеслись с трудом приглушенные проклятия. Женщина сзади очень грязно выругалась и пообещала спустить проклятому «вредителю» всю шкуру, как только он «соизволит» вернуться.

– И чего же ты натворил, малыш? – не удержался я.

– Я, – мальчик посопел, нерешительно глядя на меня, – змеевик опрокинул. – И, помолчав, добавил – нечаянно.

– Какой такой змеевик? – не понял я.

– Обычный, – вздохнул мальчуган, – от самогонного аппарата.

– О-о-о! Вот это ты попал!

Паренек кивнул и понурил голову.

– А как тебя зовут?

– Максим, – едва слышно произнес подросток. – Друзья зовут меня Макс. А дома, – он опять тяжело вздохнул, – а дома – вредителем!

Когда мы отошли от дома Макса почти два квартала, я потрепал его по курчавой голове и посоветовал бежать по своим делам. Когда мальчик ушел, я двинулся дальше и вскоре достиг центра городка. Центральные улицы (а их было всего-то несколько Советская, Свободы, Комсомольская и Победы) были заасфальтированы, но, очевидно, очень давно. Старый, весь израненный женскими острыми каблучками, битый трещинами, кое-где простреленный травой,

светло-серый асфальт пока еще держался, но выглядел плачевно. Было такое ощущение, что городок, каким-то образом ухитрился застыть где-то в далеких советских временах.

Здесь, в отличие от окраины, были магазины – правда, какие-то замшелые, облупленные, невзрачные, без рекламы и вывесок, но они все же были. На площади стояли в ряд четыре автомата газводы. Попалось мне несколько газетных и табачных киосков. Прямо посреди улицы тянулся безлюдный пыльный сквер. В нем стояли редкие, довольно убогие скамьи. Но только на одной из них сидела юная парочка, что-то оживленно обсуждая. А еще чуть дальше, за большой клумбой с вялыми цветами, молодая симпатичная девушка в облегающем спортивном костюме увлеченно крутила хула-хуп. Я поглазел на нее, ее быстрые сноровистые движения и великолепную фигуру и, почему-то очень захотел есть.

НАТАША

Буквально за углом оказалась затрапезная то ли пельменная, то ли столовка. Маленький темный зальчик на пару десятков посадочных мест был почти пуст. Сильно пахло тушеной капустой. За прилавком, перед массивной кассой эпохи позднего социализма сидела скукающая томная женщина бальзаковского возраста. Она со спокойным недоброжелательством наблюдала, как я изучаю грязную табличку с меню. А оно не баловало разнообразием. Суп гороховый, рассольник и харчо на первое, вермишель, картофельное пюре и гречневая каша на второе с котлетой или шницелем. Был еще гуляш или просто подлива. Заклучали список блюд чай и компот.

Я взял себе картофель с маленькой такой котлеткой, жидкий (как говаривал мой покойный отец – испитой) чай и сел за угловой столик. А за соседним столом оказалась милая симпатичная девушка лет двадцати пяти с задорной гривкой густых каштановых волос. Была она в простеньком сиреневом сарафанчике в горошек с коротким рукавчиком и большим вырезом на груди. Я что-то у нее спросил. Она обернулась и прямо таки ослепила меня своей чудесной улыбкой. Мы разговорились. Оказалось ее зовут Наташей, и она живет в одном из микрорайонов этого городка.

Наташа не была красавицей. Она была просто милой. Среднего роста, с неплохой фигурой и стройными ножками. Но самым привлекательным у не было лицо – открытое, приветливое, с широко распахнутыми лукавыми глазами. Глаза ее были на редкость хороши – большие, яркие, светло-карие. Они были и не круглые и не овальные. Каждый глаз смотрел как маленькое солнышко, только встающее из-за горизонта и поэтому видимое наполовину.

Я как-то не удержался и засмотрелся в ее удивительные глаза.

– Что? Что такое? – смутилась девушка.

– Нет-нет, ничего! Просто сижу – люблюсь.

Тут она смутилась еще больше. Даже покраснела.

– А где здесь у вас можно остановиться? Гостиница есть?

– Гостиница? У нас есть постоялый двор. Только в нем лучше не селиться.

– Это почему?

– Ну, во-первых, дорого. А потом там директор...

– Что директор?

– Да, он какой-то со странностями. Вечно у него некие непонятные, а то и вовсе дурацкие затеи. И он всех ими достает.

– Какие же, например?

– То музыку включает по утрам – гимн, типа побудки. То тараканов травит по номерам, когда в них есть проживающие. То затеет опрос, либо анкетирование для постояльцев в самое для них неподходящее время. Ночью, например.

– А он что новый директор?

– Нет, уже давно работает. В нашем городе его все знают. И, кстати, почти все считают, что у него с мозгами не в порядке.

– Так. С гостиницей облом. А что же делать-то тогда?

– Я бы посоветовала обратиться к одному старику. Он живет здесь неподалеку. Живет один, а дом довольно большой. Поэтому он обычно сдает комнату и очень не дорого. Сейчас у него, кажется, постояльцев нет.

– А как к нему пройти?

– Я покажу. Живет он на улице Рябиновой.

Мы прошли с ней всего пару кварталов и свернули за угол. И практически все атрибуты центра города тут же исчезли. Исчез асфальт, автомашины, автоматы газированной воды и прилавки с мороженым. Осталась улица, густо засаженная кленами, липами, каштанами, в тени которых прятались одноэтажные деревянные домики с железными, крашеными суриком крышами. Но больше всего было рябины.

– Вам туда, – махнула рукой Наташа, – а я побегу, – а то у меня обед закончился. Но обещаю как-нибудь вечером зайти узнать, как вы устроились.

– Правда, зайдешь?

– Правда, – мягко улыбнулась она – и, повернувшись, пошла обратно.

– Эй, а как его зовут, – крикнул я уже ей вслед.

– Его зовут дед Егор. Но все говорят проще – дед Кагор!

– Дед Кагор? – переспросил я, но она уже убежала.

ДЕД КАГОР.

За невысоким забором из старых трухлявых досок виднелся сад. Я прошел вдоль ограды, пока не наткнулся на калитку. Это была старая такая, серая, давно потерявшая цвет древней краски, щелявая калитка из двухдюймового бруса. Держалась она не на петлях, а на двух кусках старой толстой резины, вероятно отрезанных от автомобильной покрышки. А закрыта была очень просто – на ее крайний брусик и на столбик, поддерживающий начало забора, было накинута кольцо из двужильной алюминиевой проволоки. Постояв в нерешительности с минуту, я все же скинул проволоку, толкнул калитку и, открыв ее, вошел.

Внутри царствовал старый, запущенный вишневый сад. Над морем вишен вздымалась вдали груша, а ближе ко мне виднелась корявая, с несколькими перевитыми стволами яблоня. Сад сильно зарос. Среди некошеной травы и многочисленного вишневого подроста вилась одна единственная тропинка. Дорожка, кстати говоря, была хорошо утоптана и местами подправлена половинками старых кирпичей. Медленно пошел я по ней. И с каждым новым шагом, все больше отходя от забора и оставшейся за ним улицы, у меня росло странное ощущение спокойствия. От стволов вишен веяло теплом и памятью детства. На них местами виднелись комочки вишневого клея. Мне даже захотелось сорвать один из них положить в рот, как делал это в детстве в саду у бабушки.

Через несколько десятков шагов, вишняк расступился, и неожиданно передо мной возникла небольшая беседка из такого же бруса, какой послужил для возведения забора. По столбикам вились плети дикого винограда, заплетая отсутствующую стену почти полностью. За густым пологом из больших зубчатых листьев скрывался стол, с мощными ножками, врытыми в землю и небольшая скамья. А за столом, на врытой в землю двумя могучими ножками скамейке, сидел дед.

Сидел он не один. По другую сторону стола, на табуретке разместился мужчина лет 40 – крепкий, черноволосый, среднего роста, с темными добрыми глазами, но какой-то неопрятный, помятый и не бритый. Позже оказалось, что зовут его Стасом. Жил он где-то рядом – на улице, с которой я зашел в сад. У него были вечные раздоры с женой, которая, вероятно, не очень одобряла его постоянные посиделки с дедом Кагором. Когда Стас был с ней в ссоре, а это происходило почти ежедневно, он называл ее «Оно». «Оно меня обидело – назвало алька-

голиком». Любимое слово у него было «Понимаш!» Обычно Стас заканчивал им почти каждую свою фразу.

Дед Егор поднял на меня глаза. Как-то язык не поворачивается, назвать его дедом. Дедок, пожалуй, будет правильней. Такой вполне себе крепенький дедок, неопределенного возраста, с большими рабочими руками, одетый в клетчатую фланелевую рубашу и широкие мягкие штаны. Редкие, но жесткие, сильно седые волосы ершисто топорщились на его голове с небольшой лысиной на макушке. Был он выбрит, хоть и не чисто, а из-под кустистых широких, нетронутых сединой бровей внимательно глядели темные, наверное, черные, насмешливые глаза.

Дед сидел на грязно-синей грубо сколоченной, но неизбежно крепкой скамье и с наслаждением смолил здоровенную, вонючую самокрутку. На таком же крепком столе, сбитом из трех широких необструганных досок, прямо перед дедом стояла початая бутылка, на две трети заполненная знакомой прозрачной жидкостью. Еще стояли две тарелки. На одной лежало несколько ломтей заветренного хлеба, на другой – пара яиц, приличных размеров соленый огурец и пучок зеленого лука. Время было обеденное. Еще на столе лежал большой раскладной нож с коричневой истертой рукоятью.

– Здравствуйте, – промямлил я, неуклюже поклонившись.

– И тебе не хворать, – бодро ответил Кагор. – И кто ты такой будешь?

– Меня зовут Денис.

– И чего же тебе надобно, Денис, в моем саду?

– Сказали мне, что у вас комнату можно снять. Это правда?

– Если у тебя деньги есть – то правда.

– Мне говорили, что вы берете недорого.

Дед посмотрел на меня внимательно из-под зарослей бровей. Глаза, черные, яркие не по-стариковски, искрились насмешкой.

– А, недорого, – дед крякнул, взял недогнувшей рукой уже налитую стопку, ловко влил ее содержимое себе в пищевод, сглотнул, облупил яичко, кинул его в рот и закончил – недорого это сколько?

– Не знаю, – честно ответил я. – Могу предложить пару тысяч.

– А жить-то сколько будешь? – пристально взглянул мне в глаза Кагор.

– Наверное, неделю. Может две.

Дед насупился, прожевал яйцо, потом налил себе еще одну стопку, залпом выпил, сунул в рот перо зеленого лука, и вдруг резко встал из-за стола.

– Ладно, пошли хоромы смотреть, – твердо сказал он.

За садом, который вдруг неожиданно расступился, оказался небольшой довольно таки ухоженный дворик. Здесь теснилось несколько сараев, пара каких-то будок (туалет и летний душ, как я позже узнал) и небольшой загон для кур. Потом мне стало известно, что у деда еще была коза со странной кличкой Фрау Меркель. Справа оказалась приличных размеров поленница дров, кажется дубовых. По центру высилась старая, разлапистая, с гнутыми и перекрученными стволами яблоня. Ветви ее были полны завязи. А прямо за ней уютно разместился небольшой домик с резным крылечком и верандой. Дед приглашающе махнул рукой, и я вошел за ним в приятную прохладу дома. С юга от солнца его прикрывала яблоня. К тому же окна были зашторены. А фасад домика, выходящий на улицу, был на северной теневой стороне. Комнатка, которую мне предложили, была небольшая – всего-то метров 10-12, но мне больше было и не нужно.

Два небольших окошечка с простым Т-образным переплетом выходили на улицу – такую же зеленую и пустынную, как и та по которой я сюда пришел. Под окнами стоял древний, но крепкий стол с толстыми точеными ножками и два венских стула. Еще в комнате был старинный платяной шкаф, а у стены, завешенной старым плюшевым ковриком с тигром, в углу, дальнем от двери, приютилась кровать с блестящими никелированными ножками и такими же

шариками наверху. В углу был еще один столик, на котором стоял огромный древний агрегат – симбиоз архаичного радио и проигрывателя. Вот и все убранство. Дед молча стоял в двери, пока я осматривал комнатушку.

– Ну, что? – деловито осведомился он.

– Отлично – откликнулся я и не покривил душой.

Мне и правда здесь почему-то сразу понравилось. Я швырнул свою тощую сумку на стол. Потом достал деньги. Что-то мне показалось в них странным. Но что именно я не понял. Протянул хозяину пару бумажек, а тот удовлетворенно хмыкнул.

– Ну, ты это, устраивайся здесь, да выходи к нам со Стасом в сад. Посидим, познакомимся, пообщаемся.

Я кивнул. Дед ушел. Я еще раз выглянул в окно. От дороги домик прикрывала большая, старая акация, своими ветвями уже касающаяся крыши. Тихая, почти безлюдная улочка была довольно широкой – за деревьями даже не был виден забор на противоположной стороне. Скинув ветровку и джинсы, я надел футболку и тренировочные штаны и направился в сад. За это время Стас явно успел стонять в магазин, потому что на столе в беседке уже стояла еще одна бутылка беленькой. И когда мне предложили выпить с дороги, я подумал, что и правда стоит расслабиться после событий вчерашнего дня.

– Да, не походи во вред отроку Георгию, пробасил дед, – поднимая рюмку.

– Эх, хо-ро-шо! – Выдохнул Стас, тоже опрокинув рюмашку. – Когда выпьешь, да ишшо!

Я тоже выпил и закусил хрустким огурчиком. Водка оказалась вполне приемлемой. Потом выпили за новое знакомство. Потом за что-то еще. А дальше дед несколько захмелел и начал рассказывать мне свою теорию.

ТЕОРИЯ ДЕДА КАГОРА

Все беды наши человеческие от мозгов. Да-да, только от мозгов. Вот, скажи мне, мил человек, ты когда-нибудь слышал, чтобы у животных была бессонница, нервный срыв, измены своей партнерше, импотенция, наконец?

Нет, наверняка, не слышал!

От него, от мозга наша сила и наша немощь, наше здоровье и нездоровье. Наше спокойствие и сон, и наше беспокойство и бессонница. И немощи всякой первая причина – ведь тоже мозг.

Мы слишком многое отдали мозгу. И еще чувствам, рождаемым им же. Мы же просто поставили себя в полную зависимость от решений мозга и рожденных им химер – ненависти, зависти, корысти, чревоугодия, блудолюбия. Мозг, именно он, рождает сонм чудовищ и заставляет нас подчиняться и поклоняться им. Ты знаешь животных, которые завидуют другим животным и от этого страдают и совершают грязные поступки – такие как подкуп или преступный карьеризм?

Я покачал головой.

У них – у животных, мозг проще, и он не вторгается в такие области, как питание, выживание и размножение. У них исключены душевные метания, бессмысленная злоба, интриги и личная ненависть. Вот почему никто никогда не слышал об импотенции у животных. Если самец больше не хочет самку, значит, ему пришло время уйти из своей стаи, скрыться в дальний овраг и там тихо умирать, а не пытаться трясующимися руками запихнуть себе в рот «Виагру».

Разговоры об «умных материях» продолжались до позднего вечера. Я уже порядком устал и пить и слушать. Когда стемнело, Стас ушел к себе – он жил совсем рядом – через два дома. А пьяненький дед, расчувствовался, прослезился и рассказал мне о себе.

– Эх, был у меня сын – Митька! Хороший такой, шустрый мальчуган.

– Почему был? Он, что умер?

– Нет, – дед покачал головой, – хуже. Он не приходит...

– Не приходит куда?

– Ко мне, – с горечью проговорил дед.

– Наверное, я сам виноват – не очень любил его, мало внимания уделял. А он вырос как-то быстро, незаметно так. Мы с женой никогда ему особой воли не давали, даже на улицу почти не выпускали. А он подрос и ушел от нас.

– Куда ушел?

– Женился. Женился сам, против нашей воли. Мы с его матерью против были. А он ушел и сделал все по-своему. Только вот теперь не ходит он ко мне. Умерла жена уже давно – приходил на похороны, и все. Больше я его не видел. Знаю, что у него детки пошли. Два пацана. Погодки они – друг за дружкой. Вот только я их ни разу не видел!

Дед замолчал, а по его морщинистой, заскорузлой щеке побежала одинокая слеза и запуталась в отросшей с утра щетине...

ВОДОКАЧКА

Утром я проснулся довольно поздно. Повалился еще немного в кровати, наконец встал. Деда Егора было неслышно. Наверное, отдыхал после вчерашней обильной порции горячительного. Я не стал его беспокоить и тихонько прокрался на кухню. Голова слегка не то, чтобы болела, но казалась ватно-легкой. Для начала я выпил кофе – неторопливо, размышляя между глотками горячей ароматной жидкости. Умылся. Потом выпил еще кофе. И пошел к себе одеваться. Дед так и не появился.

Сегодня я собрался сходить на железнодорожный вокзал. Был он явно где-то совсем недалеко – часто было слышно, как гудят тепловозы или бегут, постукивая на стыках, составы по рельсам. Когда ветер дул с той стороны – с юга, слышно было вовсе изумительно.

Никуда не торопясь, я шел по тихой улочке, густо заросшей вишнями, кленами, рябинами и акациями. Сочная, густая зелень начинающегося лета скрывала решительно все: и здания, и огрехи разбитых тротуаров, и столбы электропередачи. Порой и самих домов с дороги почти не было видно. Местами непроходимой стеной стояли куртины сирени. Народу на улицах было немного. Иногда проедет одинокий велосипедист, или выйдет из калитки женщина в цветастом домашнем халате, да подросток пробежит с ведром к водоразборной колонке.

Похоже, здесь, как при советах, по-прежнему все работали на заводах. Да еще и не в одну смену. Не было даже женщин – все были на фабриках. А те, кто сейчас не работал, все равно были дома – отсыпались после ночной смены. Люди встречались только в центре города, на площади, да на рынке.

Наконец я достиг железнодорожного вокзала и вошел через высокие, старинные двустворчатые двери в его прохладный и совершенно безлюдный зал ожидания. Здесь реально не было ни единой души. Только в самом дальнем конце его, около билетной кассы, стояли двое мужчин. Оба рослые, крепкие и загорелые. Мне они показались странно знакомыми. Один, чуть повыше, в клетчатой ковбойке, другой в темной куртке, типы ветровки. Они внимательно и как-то неодобрительно посмотрели на меня. Я пожал плечами и вернулся в другой конец зала. Здесь тоже были тяжелые двустворчатые двери. Через них я вышел на залитый полднем солнцем перрон.

Я прошелся до самого конца длинного хорошо заасфальтированного перрона, пока не поравнялся со старинной паровозной водокачкой. На ней еще сохранилась ржавая двутавровая балка, торчащая из стены. Раньше по ней тянулся рукав для подачи воды в котел паровоза. Мощная, круглая, хорошо оштукатуренная башня высотой с четырехэтажный дом выглядела, как бастион неприступной крепости. Сверху ее венчала красная крыша конусом. Под ней вид-

нелось небольшое круглое оконце. Больше в башне не было ни одного отверстия, хотя я обошел ее всю кругом. Вероятно, заложили, когда сооружение стало не нужно. Высоко на стене я совершенно случайно разглядел плохо различимую эмблему, которую, наверное, когда-то старательно убрали. Но следы все-таки сохранились.

В конце дня я заглянул к Кагору. Тот как всегда сидел в беседке – похмелялся после вчерашнего. (Спал, похоже, до самого обеда). Мне так же была гостеприимно предложена рюмочка, но я твердо отказался. Расчувствовавшись из-за того, что ему больше достанется, дед искренне поведал мне свои сокровенные мысли.

Гнусный, как у нас всегда любили повторять, царский режим так и не смог набраться смелости и заставить работать женщину. А золотой, самый раззамечательный советский строй заставил и разрешения не спросил. В семьях дореволюционных рабочих бывало по пять – шесть детей. А то и по восемь. В нашей семье было девятеро. Я – седьмой. Работал в семье один отец. Всю жизнь трудился на Вагоноремонтном заводе. Работал тяжело – не спорю. Но мать всю жизнь сидела дома. Готовила, стирала, за детьми следила. Любила по вечерам собрать всех соседок и играть в лото. Но, ни одного дня не работала. И одной отцовской зарплаты на всех хватало. Все выросли и в жизнь пошли. И, кстати говоря, в царской России рабочие налогов не платили. Вовсе! Считалось, что у них нет собственного имущества. Они всего лишь наемные работники. Поэтому налоги им платить не за что, и не с чего!

А при «благословенной» Советской власти всех баб загнали на фабрики. И назвали это равноправием и освобожденным женским трудом. Лицемерие несусветное! Теперь бабенки всю жизнь горбятся у станка, когда раньше это было делом только их мужей. И была теперь у них всего пара недель после родов, чтобы восстановиться и опять на завод. А с ребятенком пусть, кто хочет, тот и сидит. И налог Советская власть – подходящий – гребла со всех: и с мужиков, и с баб. Они ж работают, равные мужчинам, пуцай и плотят, как все! И чем же мы тогда гордимся?

Выслушав деда, я вежливо откланялся.

ВЕЧЕРНЯЯ НЕЖДАНОЧКА

Вечером зашла Наташа. Сказала, что из вежливости, проверить как я устроился. Я, тоже из вежливости, предложил ей куда-нибудь сходить. А она почему-то сразу же согласилась. В конце дня она оделась в плотно облегающие светло-синие джинсы и блестящую кофточку с откровенным вырезом. Наряд выгодно подчеркивал ее фигурку. Днем в своем сарафанчике она выглядела, как простая девчонка, а сейчас, в наступающих сумерках, как опытная, чувственная женщина.

Мы вышли с ней на улицу и медленно двинулись в направлении центра. Надо было как-то завязывать знакомство. Я, не в силах определиться с темой, начал разговор с географии.

– А как называется ваш город?

– Наш город? – удивилась Наташа, – Хопровск. А ты, что не знал? Город стоит на большой реке, точнее, даже на двух реках. А главная река у нас Хопер называется.

– А область здесь какая? – несколько недоуменно спросил я.

– Область? А что это?

– Ну, территория, где ваш город.

– Губерния, ты хотел сказать.

– Ну, да.

– Донская губерния.

– А Воронеж отсюда далеко?

– Как-как, ты сказал? Какой Воронеж? Это что?

– Большой город. Областной центр.

– Не знаю такого.

– А как называется центр вашей губернии?

– Усмань, – несколько недоуменно, ответила утомленная моим географическим кретинизмом Наташа.

Девушка выглядела в это время совершенно естественно, и недоумевала по поводу моей безграмотности абсолютно искренне. Так что, похоже, все это было правдой, а не каким-то глупым розыгрышем. Я был абсолютно поражен. Это было не просто странно – это было дико! Но я решил сменить тему и больше к ней пока не возвращаться.

Между тем как-то незаметно стемнело. Вечер, до того прятаящийся под деревьями, выбрался на городские просторы, крадучись пробежал по улицам, зажигая светильники и окна и скрылся. А на смену ему пришла ночь и широко распахнула свои черные крылья. Бескрайнее звездное полотно раскинулось вверх. Правду говорят, что есть всего три вещи, на которые можно смотреть бесконечно. Это горы, море и звезды... Нет ничего прекрасней и одновременно загадочней картины черного звездного неба!

Мы шли по улице почти безлюдной и слабо освещенной. Горящие фонари здесь встречались редко. Легкий ветерок чуть слышно шелестел листьями на кронах деревьев. Было совсем тихо и умиротворенно. Мне вдруг захотелось почувствовать тепло ее тела. Наверное, и ей тоже, только она вдруг прильнула ко мне. Я обнял ее за талию, и мы пошли дальше, прижавшись тесно друг к другу.

Я предложил сходить в кинотеатр. Девушка с радостью согласилась. Кинотеатр был даже не очень древний – с большим просмотровым залом и хорошими креслами. Мы забрались на самый дальний ряд, где больше никого не было. Скажу честно – я даже не помню, о чем был кинофильм. Меня заботили и полностью поглощали совсем другие эмоции.

В кино мы сидели, сначала держась за руки, а потом обнявшись. У нее была гладкая, прохладная кожа. Как атласная. Я провел ладонью по ее нежной спине, и она затрепетала под моей рукой. Я наклонился к ней, к ее голове, ее лицу. От девушки пахло таким нежными теплыми духами, что мне захотелось обнять ее, окружить заботой и защищать от всех неприятностей. И удержаться от своего желания я не смог. А потом мы стали целоваться.

Когда мы вышли на улицу, уже была ночь. Тихая, теплая, звездная ночь царил над миром. Мне хотелось быть рядом с этой милой, нежной девушкой, и совсем не хотелось с ней прощаться. Вероятно, не только мне не хотелось расставаться, потому что она неожиданно предложила:

– Хочешь, я познакомлю тебя с моими друзьями?

– Хочу, – немедленно согласился я.

Потом мы пили сладкий, пьянящий портвейн с ее друзьями в актовом зале какого-то техникума, где она работала секретарем. Бутылки с ним были тщательно спрятаны в фортепиано, прикорнувшем на краю сцены. Мысли мои в это время металась в мозгу, слегка одурманенном вином, как вспугнутые зайцы в лесу. Желания боролись с сомнениями. Потом мы пошли вниз – Наташа предложила мне показать архив, где она иногда бывает по работе. Не знаю почему, но я согласился.

Мы спустились в большой пыльный, тускло освещенный бетонный подвал, заставленный стеллажами с документами и папками. Не стовариваясь, мы повернулись друг к другу, прижались телами и стали целоваться. Все яростней, все страстней. Ее груди напряглись и уперлись сосками в мое тело. Мы оба почувствовали жгучее желание. Еще там был стол. Наташа, продолжая смотреть мне в глаза, спустила джинсы вместе с трусиками и легла спиной на стол. Ее ножки оказались у меня на плечах. И пока мы продолжали, она все смотрела с нежностью мне в глаза.

ЖЕРТВЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Я долго боролся, даже дрался с псевдогаишниками, но потом появился Аностас. Вдвоем мы с ними справились. Директор фирмы начал мне снова объяснять, что мне ни за что нельзя выпускать из рук сверток, который он мне передал. Я стал с ним ругаться и тут я вдруг мгновенно проснулся. Полежал, глядя в потолок и соображая, где я есть. Потом вспомнил, что это дом деда Кагора. Потом, смутно вспоминая события вчерашнего вечера, подумал про Наташу. Выбив окончательно из головы шелуху разрозненных вчерашних впечатлений и воспоминаний, я встал с постели и отправился умываться.

Послonyaвшись по безлюдному дому и двору, я отправился в сад. Что-то мне подсказывало, что хозяина я найду там. И точно! Стоило мне выйти к беседке, как оттуда раздался веселый голос Кагора.

– О-о, Дениска! Заходи ко мне! Покалякаем.

– Доброе утро, – ответствовал я, с опаской присоединяясь к деду.

– Доброе, если оно доброе, – ответствовал дед.

Водки в беседке не наблюдалось. Я успокоился и присел на еще прохладную утреннюю скамью. На столе были остатки вчерашнего ужина. Мне был предложен бутерброд сомнительной свежести, но я благоразумно отказался. Решил перекусить позже в давешней пельменной.

– Стас вот еще не пришел, – сообщил с сожалением дед Егор.

Его явно раширало новой речью, а постоянного слушателя под рукой не оказалось. Тут-то я и пригодился.

Понимаешь, вы все, ты, твои друзья, Стас, вон они, – вы все проигравшее поколение. Почему? Да потому, что вам не повезло родиться в другое время. Не вовремя вы появились на свет и потому проиграли! Вот Стас, например. Он родился, когда был, как сейчас модно говорить, застой. Вот он жил, рос потихоньку, играл на улице с друзьями, учился в школе. Начиная заглядываться на девчонок, и не только заглядываться. Готовился к взрослой жизни, и совсем не замечал, что все вокруг него, все в этой большой стране – застой!

Потом он окончил школу и поступил в институт. Закончил и его, неплохо, кстати, закончил, исполненный знаний и еще большей уверенности, что живет в великой стране. Дальше начал работать, некоторое время поработал инженером. И тут вдруг выяснилось, что в нашем тридесyтом государстве, оказывается, не все ладно, и, выходит, неладно уже давно. А мы-то ничего и не замечали! Не видели, как мы застоялись! И началась у нас Перестройка. Перестраивала она нас несколько лет и, по большому счету, ничего полезного не совершила. Единственное, что она выполнила особенно основательно, так это – крепко убедила нас всех в несовершенстве нашего бывшего строя и научила нас глубоко презирать свою собственную страну, свое прошлое и самих себя. Перестроила, одним словом.

Прошло еще несколько лет, и могучий Советский Союз, которого боялись все в мире, вдруг просто заснул, как совсем старый дед, и не проснулся больше наутро. Или скорее он просто совершил самоубийство. Не НАТО и не США убили его. СССР самостоятельно вскрыл сам себе вены в узкой ванной комнате своей тесной «хрущовки». А никого умного и надежного рядом не оказалось, чтобы вызвать скорую помощь, остановить ему кровь и попытаться его спасти.

Напротив, все почему-то очень обрадовались, когда он вот так тихонько скончался, и не от болезни, не от раны, а просто от потери крови. И прямо на его поминках – все начали пить. И пить мы стали так, что уже и не смогли дальше остановиться. Допились до 18 литров чистого спирта на душу населения и стали стремительно вымирать. Пили все, пили всё и по многу. Поэтому, даже вечно пьяный президент, засыпающий на борту лайнера, который привез его с визитом в другую страну или рьяно дирижирующий чужому оркестру, не казался нам совсем уж невероятной тропической дикостью. Ну что ж, мы же пьем, а он, что не человек? – говорили пьяницы, потягивая бормотуху в песочнице.

Девяностые убили последние остатки гордости в бывших советских людях. Эти остатки умерли в длинной, безумной очереди, в которой мы стояли за гуманитарной помощью. Умерла и совесть – теперь было совсем не стыдно воровать и мошенничать. Не стыдно было и не работать. Скорее стыдным стал сам труд. И страна эта с «самой рожалой землей в мире», как когда-то писал Виктор Астафьев, неожиданно осталось голодной и неспособной прокормить саму себя. Самая большая в мире страна, площадью больше иных континентов, не смогла миллионами гектар плодороднейших черноземных земель напитать своих неразумных детей. А дети ее разучились трудиться в поле и на заводе и превратились в бесчисленное скопище болтливых лодырей, неспособных работать и зарабатывать...

Дед выговаривал последние слова с трудом. Оказывается, я его недооценил. Он был уже в стельку пьян. Теперь я начал понимать, почему его все называют не Егор, а Кагор. Надо было срочно уматывать отсюда, а то меня пошлют за очередной бутылкой. Да еще и вынудят ее распивать! Поэтому я с сожалением и очень вежливо деда перебил.

– А как бы мне посмотреть на весь город сразу? – поинтересовался я.

– Это как? С высоты птичьего полета?

– Ну, что-то вроде того. У вас есть высотные здания?

– Самое высокое здание в городе – это эlevator. Но тебя туда не пустят.

– Да, пожалуй. Что же мне делать?

– А ты съезди на ту сторону реки. Оттуда, с возвышенного западного берега, с холма на той стороне, весь город виден как на ладони.

Попрощавшись с гостеприимным Кагором, я быстро нашел свою «Шаху» перед кинотеатром «Победа», где ее и оставлял.

ГОРОД СВЕРХУ

Я быстро пересек почти весь город – минут за десять. Какой же он, все-таки, был небольшой. Проскочив тихий частный сектор, промышленный район с огромными красными кирпичными трубами фабричных котельных, центр с магазинами и сквериком, я проскочил пост Дорожной Инспекции и выкатился на большой мост через реку. На другой его стороне я съехал с дороги и спустился направо по небольшому гравийному съезду. Здесь под двумя большими ивами оказалась небольшая площадка, спускающаяся еще ниже – к воде. На ней я и оставил машину на самом берегу реки и полез наверх по крутому, почти обрывистому склону речной долины.

Быстро я запыхался, но упрямо лез все дальше вверх. Временами приходилось хвататься за стволы деревьев, густо покрывавших склон, чтобы не оступиться и не скатиться обратно вниз. А склон все не кончался и не кончался. Наконец я забрался на самый верх большого припойменного холма. Деревья расступились. Я обернулся, и тут взору моему открылась настоящая панорама.

Город отсюда был виден весь, как на ладони. Его бесчисленные одноэтажные кварталы, расчерченные улицами на правильные квадраты, плавно спускались по противоположному огромному пологому склону к заливным лугам у реки, а местами и к самой воде. Там виднелись небольшие причалы, а около них лодки и катера. Словно ниточка, перечеркнувшая широкую голубизну реки, виднелся вдали железнодорожный мост, который с городом соединяла громадная насыпь. Большой автомобильный мост, по которому я сюда добрался, с высоты моей вершины был виден очень хорошо. По нему, словно большие сердитые жуки, с гудением ползли машины.

Отсюда, сверху, город показался мне похожим на острие копья. Или на треугольную голову змеи. Кварталы, занимая возвышенное междуречье, сбегали, постепенно сужаясь, вниз,

к югу, к месту слияния обеих рек, образуя почти правильный треугольник. Боковые стороны этого треугольника были прочерчены голубым блеском речных русел.

В восточной части города, дальней от меня, высилось громадное, серое бесформенное здание. Я уже знал, что это элеватор, и, если присмотреться, можно было различить бесконечную вереницу грузовых автомобилей, тянущуюся к нему по прилегающей улице. Еще одно крупное строение высилось в северной части Хопровска, но что это такое я не знал. Зрение у меня было хорошее, поэтому я смог различить и башню старинной паровозной водокачки вонзившуюся в небо совсем рядом с красным кубиком железнодорожного вокзала. В целом город, действительно, был почти весь одноэтажным. Только на северной и восточной его окраинах расположились небольшие микрорайоны из типовых пятиэтажек. Отсюда я даже не смог определить, через какой из них я попал три дня назад в Хопровск.

Между тем, пока я любовался видом широко и привольно раскинувшегося в огромной речной долине города, что-то произошло в атмосфере, и словно нарастающая тревога разлилась в окружающем воздухе. Солнце как будто стало бледнее, а на севере и на западе над горизонтом стали вздыматься все выше иссиня-черные надменные колоссы. Громадные темные тучи быстро мчались по небу, приближаясь к городу. Подул сильный порывистый ветер. Кажется, близилась сильнейшая гроза. Мне вдруг показалось, что сам воздухе пропитался ужасом и страхом.

Издали донесся негромкий, но продолжительный перекатывающийся рокот, словно кто-то огромный перекатывался по городу и рушил одно за другим его здания. Чернота в небе подползла совсем близко, и огромную, перевернутую фиолетовую чашу, накрывшую уже половину небосвода, неожиданно прочертило целой сеткой ослепительно ярких ломаных линий.

Я только теперь спохватился и понял, что пора срочно уносить ноги. Я бросился вниз, и в это же время Солнце погасло. Опустилась темнота. На востоке еще оставался большой кусок чистого синего неба, но грозная чернильная мгла быстро пожирала и его.

Не могу сказать, как я спускался почти в полной тьме по крутому склону. Земля выворачивалась из под ног, кусты норовили схватить за ноги, а деревья метили ударить прямо в лоб при стремительном спуске. Неожиданно стало светло, как ярким днем – в небе ударила чудовищных размеров ветвистая молния. И почти следом сверху обрушился всеуничтожающий удар грома. Кажется, я ненадолго оглох. Зато хорошо видел, как с неба в землю били гигантские огненные столбы. Один ударил в склон, по которому я уже просто скатывался вниз, совсем рядом. Земля содрогнулась, запахло паленым, а на землю посыпались какие-то обломки. Первые самые крупные капли дождя защелкали по листьям.

Вновь небо прочертила молния, за ней другая, а потом все вверху расцвело одним единым неистовым огненным цветком, который вонзился в землю и судорожно корчился, словно пытаясь воткнуться как можно глубже. Огненные клинья и мелкие занозы сыпались градом, попадая в деревья совсем рядом со мной. Один разряд оглушительно гроыхнул буквально за спиной, и оттуда потянуло какой-то вонью. Когда я, весь грязный и мокрый скатился со склона и подбежал к машине, обрушился настоящий ливень. Как-то мне удалось впрыгнуть в авто, а когда я захлопнул дверь, на крышу машины словно рухнула горная лавина – такой обрушился ливень.

Мотор завелся и заурчал. Даже зажженные фары почти не пробивали сплошную стену воды, низвергающуюся с небес. Но все же, как-то я поднялся на мост и, набирая скорость, помчался по нему к городу. Машину вдруг резко бросило в сторону, словно она столкнулась с чем-то еще, или если бы ее куда-то выбросило. В потоках воды бегущим по стеклам я даже не видел, где я нахожусь, пересек я мост и с ним реку или еще нет. Еще пара секунд и вдруг ливень резко прекратился. Надо мной, перекрывая небо и заслоняя Солнце, стоящее в зените, скрестились ветви огромных древних дубов. Старая дорога, по которой я ехал, стала описывать поворот. А за ним...

ПЬЯНИЦА НА ДОРОГЕ

... Прямо посреди безлюдной дороги, в тени кроны огромного старого дуба, в инвалидном кресле, спиной ко мне, сидел тощий, неопрятно одетый мужичок с усохшими ногами. Я, не веря глазам своим, подъехал к нему, заглушил мотор и вышел. Готов был поклясться, что он даже сидел в той же самой позе, что и три дня назад. И та же бутылка с алкоголем стояла на асфальте. И жидкости в ней было столько же.

Инвалид с трудом открыл мутные глаза. Пока они сфокусировались – а сделать это было, видимо, непросто – правая рука медленно сползла вниз, ухватила бутылку и также медленно подняла ее к губам. Сделав большой глоток, мужичонка, икнул и, с трудом разлепив засохшие губы, прохрипел:

– А т-т-т-ы хто?

– Карл Иванович Шустерлинг, – громко и сердито отчеканил я ему.

– А-а-а... – с пониманием протянул пьнчуга, – уважаю.

– А не знаешь ли ты, Карл Иванович, – забубнил он, с трудом выговаривая слова, – как там Джулиан Ассандж пожи-пожива-ет? Из пос-сол-льства не сбежал еще?

– Нет, – честно ответил я – не знаю.

– Жаль, – пригорюнился инвалид, вытирая нос и слюнявые губы.

– А чего ты здесь делаешь один в лесу – на всякий случай спросил я.

– Чой-то один, – пробормотал алкоголик, – здесь рядом Дом Призрения.

– Дом чего?

Объехав калеку и безуспешно гадая, как я мог оказаться на противоположной стороне города, я поехал по уже знакомой мне дороге между кладбищем и свалкой. Над свалкой справа курился зловонный дымок, а среди могил кладбища слева кое-где копошились люди. В самом деле, не мог же я в грозу проскочить весь город насквозь, и даже не заметить этого! Дорога закончилась въездом в город и превратилась в улицу. С одной стороны остался прежний микрорайон из пятиэтажек. С другой – так же высились корпуса завода, но мне показалось, что они выглядят как-то иначе.

Улица продолжилась среди бесчисленных одноэтажных домиков с красными и зелеными черепичными крышами. На одном из домишек мелькнула табличка с названием улицы. Но я не успел разглядеть ее и прочитать. Но я был готов поклясться, что еду по той же улице, что и три дня назад.

Тем временем дорожное полотно резко повернуло вправо. Я свернул и вдруг буквально уперся в неожиданное препятствие. Улица была перегорожена полосатой лентой. На обочинах стояли патрульные авто и кареты скорой помощи, а поперек дороги растопырилась огромная красная, как кровь, пожарная машина. Из ветхого домика на правой стороне улицы слышались какие-то крики. Перед ним собралась небольшая группа первых зевак. Я вылез из машины и подошел к этим людям. Высокая, крашенная в жгучий рыжий цвет, женщина неопределенного возраста кому-то говорила: «Прямо в голову ему выстрелил, аж, мозги во все стороны брызнули!» Неподалеку, на основательно разбитом тротуаре, лежало тело, прикрытое простыней. Из-под него медленно расползалась лужа крови.

Вдруг где-то рядом оглушительно взвыла сирена, моргающим светом полыхнула мигалка, и из-за угла вырвалась синяя, с красными лаковыми полосами и белой шпагой посередине борта, еще одна патрульная машина. За ней выкатилась серебристая иномарка с тонированными стеклами. Я даже сказать ничего не успел, как из первой машины выскочили трое стражей в красивых голубых мундирах с белыми портупелями и решительно направились прямо ко мне.

– Кто такой? – Строго, даже несколько угрожающе спросил старший, с серебряным значком лилии, пронзенной шпагой, на отвороте.

– Гражданин, – несколько растеряно ответил я.

– А документы есть у тебя, гражданин?

– Есть, конечно.

– Что здесь делаем? – довольно невежливо спросили полицейские.

– А что такое-то?

– Видишь, какое дело?

– Какое?

– А что не видишь? Местного старосту, Дееспособнова убили. Наверное, это вражеский диверсант на него покусился. Вот не вы ли, случайно, молодой человек?

– Вы, что с ума сошли? Какой я диверсант?

– И сумасшедшей видали.. – рассердился страж.

Между тем из второй машины выбрался невысокий крепкий мужчина лет сорока и тоже направился ко мне. Я с удивлением наблюдал, как он спокойно и властно отстранил полицейских и подошел ко мне.

– Я – здешний Алькальд.

– Кто...?

– Ну, я – глава местного теротдела.

– Глава ... чего-чего?

– Местного са-мо-уп-рав-ле-ния..

– А-а-а!

– Меня зовут Алексей Николаевич.

– Очень приятно! А я-то тут причем? Чего им от меня-то надо.

– Вы, вот, видите, у нас назревают серьезные события. Людей уже стали убивать. Граница-то отсюда совсем не далеко. Недолго и вражеских лазутчиков дожидаться. И тогда они о-го-го... Ну, вы понимаете.

– Нет, – я решительно затряс головой – ничего не понимаю.

– Ну, что же вы упорствуете-то, голубчик?

– Я вообще не военный, Алексей Николаевич, – истово глядя в глаза Алькальду, отпартовал я, – простой турист. А они вот пристали..

– Не надо обижаться на альгвасилов – они просто выполняют свою работу.

– Аль.. кого? – растерялся я.

– Альгвасилов, – строго и внушительно произнес Алексей Николаевич.

Минут через пятнадцать меня отпустили с богом, и я покатил дальше.

Медленно проезжая центр городка, я с изумлением стал замечать незнакомые строительные объекты. Город, казалось, был тот же самый. Но что-то в нем, все-таки, неуловимо изменилось, хотя в целом, все было, как и до грозы. Правда, несколько изменился фасон одежды немногочисленных прохожих. На улицах стало больше машин. Появились новые красивые здания необычного стиля, который я бы назвал колониальным. Поглазев по сторонам, я отправился в тихие восточные кварталы, где жил дед Кагор.

В САДУ ДЕДА КАГОРА

Я без труда отыскал уже хорошо мне известную Рябиновую улицу. Нашел калитку из старых сосновых брусков на петлях из кусков резины и со знакомым запором из алюминиевой проволоки. Открыв калитку, я попал в огромный запушенный сад. Из беседки слышались знакомые мне голоса. Я вышел из-за деревьев. За столиком с неизменной бутылкой водки и тарелками с закуской сидел дед Егор и Стас, собственной персоной.

Станислав, как и несколько дней назад, был помят, небрит и угрюмо тосклив. Водку он пил с остервенением. Казалось, что стаканчик будет проглочен вместе с содержимым. Дед Егор

сидел так же, как и в прошлый раз, напротив Стаса и, держа в руке полную стопку, что-то рассказывал – развивал очередную свою теорию. Редкие, но жесткие, сильно седые волосы его задиристо топорщились на голове с небольшой лысинкой на макушке. Был он выбрит, хоть и не чисто, а из-под кустистых широких, нетронутых сединой бровей внимательно глядели темно-коричневые, насмешливые глаза.

- Здравстье, – поприветствовал я их.
- Здрав буди, отрок, – изумленно произнес оторопевший старик.
- А-а.. – невнятно пробурчал Стас – и этим ограничился.
- Ты, чьих будешь, юноша? – спросил Кагор, опуская полный стаканчик.
- Это же я – Денис.
- Какой такой Денис?
- Я приезжий...
- И чего тебе в моем саду надобно, приезжий Денис?
- Мне сказали, что у вас можно комнату снять – зашел я с другой стороны.
- Это правильно тебе сказали.

Кагор снова взял стопку, потом опустил, еще раз посмотрел на меня, опять поднял и все же отправил водку себе в пищевод. Далее дед хмыкнул, задумчиво закусил яичком. Потом снова посмотрел на меня с недоумением.

- Как будто бы, я тебя уже видел. Ладно – пошли хоромы смотреть.

И сад, и двор, и дом – все было, как и до грозы. Вот только дед теперь был, как будто чуточку моложе и шел бодрее. И еще, он совершенно меня не помнил! И Стас тоже! Улица, дом Кагора, сама моя комната – все было как сегодня утром. Вот только яблоки на яблоне налились и были уже вполне съедобными. Хотя я мог поклясться, что вчера там была только завязь. Комната мне, разумеется, понравилась. Дед молча стоял в двери, пока я осматривал комнатушку.

- Ну, что? – деловито осведомился он.
- Отлично, – откликнулся я и вновь не покривил душой.

Я снова уплатил – так же две бумажки, только были они другого цвета и назывались реалами.

– Ну, ты это, устраивайся здесь, да выходи к нам со Стасом в сад. Посидим, познакомимся, пообщаемся.

Кагор быстро ушел. Я еще заметил, как одну бумажку он воровато спрятал куда-то за пазуху. С некоторым изумлением я еще раз огляделся. Все было, как прежде. Но какое-то другое. Цвет обоев, рисунок на занавесках, покрывало на кровати, чем-то неуловимо отличались. Не выдержав таких сложных восприятий, я пожал плечами и решил пока забыть странные нестыковки. А для этого было бы неплохо выпить. Благо мне это и предложили. Через двадцать минут, переодевшись, я уже сидел в беседке. Здесь я быстро влился в компанию уже выпивших Кагора и Стаса.

- Выпьем, Стасик, – почти ласково сказал Кагор, наполняя стопки.
- Да-да! – подтвердил хмельной Станислав, подвигая свою посуду.
- Может, хватит, – осторожно заметил я
- Чей-то? – удивился собутыльник. – Я – водколюбивое существо, понимаешь! Она мне кровь разжижает! – с трудом ворочая языком, сообщил он.
- А тебе, Дениска, – поинтересовался дед – налить?
- Да, уж! Без этого мне не обойтись, – вздохнул я.
- Пей, как там тебя зовут, Денис, – пьяно заявил Станислав.

Кагор деликатно промолчал, что водка куплена на его деньги и предлагать ее, имеет право лишь он сам.

- А что, Денис, родители-то у тебя есть, – спросил меня Кагор?

- Нет, – вздохнув, ответил я, – родителей у меня нет.
– Как так? – Удивился Стас. – Совсем что ли нет?
– Совсем!
– И не было? – Допытывался Станислав. – Откель же ты взялся.
– Родители были. Но в живых уже давно нет.
– А что случилось, – участливо поинтересовался дед Егор.
– Отец был офицером, военным советником. Он погиб в чужом конфликте в далекой южной стране, когда я еще был совсем маленьким. Потом мама умерла. Я так понимаю, что она отца очень любила, и без него жить просто не хотела и не могла. Так я один и остался.
– Как это не могла, – забурбил пьяный Стас.
– Да, заглохни ты... – отмахнулся дед. – А как же ты, Денис?
– А меня воспитывала бабушка. А потом и она умерла.
– Жаль тебя, паренек, – опечалился Кагор. – Ну, давай помянем!
Стас тут же обрадовался новому поводу и хлопнул рюмку.
– Выпьем же, право еще, – вдруг изрек он.
– Хватит балабонить! – попытался урезонить собутыльника дед.
– Все пропьем мы без остатка. Горек хмель, а пьется сладко, – продолжал бесконтрольно бубнить Стас.
– Это я когда-то учил его поэзии Вагантов, – извиняющимся тоном пояснил дед Егор. – Но он только две строчки и смог запомнить. Вот эти самые.
– Не-прав-да, – еле выговорил в стельку пьяный собутыльник, – все я помню. Вот помню, еще, как ты мне рассказывал про чудесное блюдо...
– Какое, – изумился дед? – Про какое блюдо я тебе рассказывал?
– Да вот, такое, восхитительно вкусное. – Стас помолчал, собирая остатки мыслей и сведя глаза и брови в одну кучу.
– Во! Вспомнил! Пирожное такое – Камдесю.
– Идиот! – Беззлобно выругался дед. – Терамису, пирожное называется. А Камдесю – это финансист.

Некоторое время они еще препирались по мелочам. Потом разговор перешел на политику. Обычно в пьяных беседах это следующая тема после женщин и рыбалки. Постепенно, с трудом понимая хмельную болтовню, от деда Егора и Стаса я узнал о последней большой войне и голоде после нее. И, наконец, о перестройке. Перестройка-то была!

Некий руководитель страны, которого Стас и дед Егор упорно называли «Меченый», под предлогом модернизации страны и общества, развалил полностью всю экономику, жилищно-коммунальную систему, армию, самую государственную структуру и вообще всю страну. В результате ослабленную, разоренную и всеми проклинаемую, а некогда могучую державу, присоединила Великая Испанская империя.

Мои собеседники еще заспорили, по поводу побудительных действий Меченого. Кагор считал, что он просто уничтожал достижения своего предшественника, которого ненавидел. А Стас доказывал, что Меченый – агент вражеских спецслужб, который умышленно разорял страну по заказу враждебных держав. Сейчас наши земли входят, якобы, в Испанскую империю. А совсем рядом, лишь парой сотен километров южнее, лежат территории Персидской империи. И именно сейчас между двумя грандиозными сверхдержавами назревает конфликтная враждебность. Причины ее – серьезный дипломатический скандал. Кто-то (я не понял, кто именно) отобрал у своего потенциального соперника дипломатическую собственность. Я не очень прислушивался к этому бреду.

РАБЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Но вот спор закончился. Мы выпили еще. Дед молча пожевал сухими твердыми губами. Подумал, потом выпил еще одну стопку. И родил очередную свою теорию. Глупости говорят историки про общественные формации – рабовладение, феодализм, капитализм. Тьфу, ерунда все это. Все было совсем не так.

Раньше все люди были свободными. Жили они так, как им хотелось. Хотели – работали, не хотели – не работали. Кто хотел – тот занимался своим любимым делом. Кто-то играл на свирели, кто-то разводил пчел, кто-то охотился, кто-то путешествовал. Кто-то становился купцом, а кто-то кузнецом, а кто-то просто мечтательным лодырем, сидел и глазел в ночное небо или рисовал загадочные фигурки охрой на стене пещеры.

А потом пришли они – грозные боги цивилизации. Пришли в свете электрических фонарей и грохоте машин, в облаках пара и выхлопных газов. И пораженные их мощью, люди стали им поклоняться. Поклонялись паровой машине, дизелю, двигателю внутреннего сгорания, телефону, телевизору. Сначала казалось, что новые боги принесли облегчение в тяжелом труде, увеличение скорости труда и увеличение благополучия.

А потом началось! Людей стали стогнать в города – в лабиринты узких городских улиц, в тесные вонючие квартирки. Сына бескрайних степей, потомка гордого, вольного охотника поставили к станку или конвейеру. Прикрепили, как часть рабочего механизма. Навсегда. Нас всех сделали рабами заводов и фабрик. Ведь на них надо ходить всегда, вечно. Всегда рано вставать. Всегда тяжело работать. После коротких выходных вновь к станку! После праздника гудок – и опять на завод. Мы же все – рабы! Дед изо всех сил треснул костлявым кулачищем по столу, аж посуда подпрыгнула.

Да, мы живем в благоустроенных квартирах с центральным отоплением, водопроводом и электричеством, и это как будто прекрасные плоды цивилизации. Но наша прежняя жизнь из широкого яркого полотна панорамной жизни превратилась в узкую серую полосу бесконечных, однообразных, монотонных будней. Вся жизнь – одна серая лента, с редкими цветными пятнами праздников. Как так жить? Но попробуй сказать – хватит! Я не раб! Я больше не буду всю жизнь горбиться у станка, за компьютером или за прилавком. И что? Через месяц у тебя не будет денег, чтобы оплатить счета за коммуналку, через полгода тебя выкинут из жилья, если ты не сдохнешь до этого с голода!

Кагор, продолжая говорить, показал пальцами. Стас сразу понял и расторопно наполнил стопочку из-под «Немирофф». А дед ловко, не хуже фокусника, отправил ее рот, не прекращая говорить.

Куда ты пойдешь, оставшись без работы и без денег? Кто даст тебе кров и пищу? – Вопросил он, грозно воздев кулаки. Наши предки жили внутри природы и худо-бедно кормились ее плодами. А мы – ущербные дети города, будь он проклят, совершенно беспомощны без своих телефонов, компьютеров, кофеварок и холодильников. Вот ты сможешь выжить в лесу или степи, оставшись без средств к существованию? Нет, не сможешь! Остается лишь бомжевать, собирать объедки на мусорке и носить обноски, скрываясь от прежних знакомых. Или тихо умереть!

Мы – рабы цивилизации. А она – наш бог! И она питается нашими жизнями, силами и кровью людей. Мы нужны ей, как пища! У нас, как будто, все есть. Но только, пока мы работаем, как проклятые! Стоит отказаться от оплаты коммунальных счетов, и твоя благоустроенная квартира превратится в доисторическую пещеру без света и тепла. Ты – невольник! И сбежать тебе некуда. Если ты не хочешь работать, как все – ты изгой, а вскоре – труп!

Дед умолк, посидел, выпил еще и уронил голову на стол.

– В-о-о, голова! – Умилился Стас. – Умнейший ты человек, дед Еглий, – сообщил затылку деда Стас, допивая последнюю водку.

Я снова подивился фантазии и самобытному мышлению Кагора.

– А где здесь ближайшая библиотека? – поинтересовался я у Стаса.

Оказалось всего через пару кварталов. Я быстро собрался и отправился в поход за знаниями.

БИБЛИОТЕКА

Следуя указаниям прохожих, я быстро нашел серую длинную пятиэтажку, одиноко возвышающуюся среди бескрайнего моря частного сектора. На первом этаже в отдельной пристройке я увидел деревянную брусчатую дверь над каменным крыльцом в четыре ступени. Над дверью висела основательно выцветшая синяя табличка с надписью «Библиотека имени Диего Алонсо». За дверью был небольшой коридорчик, дальше холл и из него вход в абонемент и еще чуть дальше – в читальный зал.

Читальный зал был небольшой – 10 простых полированных столов стояли здесь в два ряда для работы с книгами. Я все еще думал, что мне для себя спросить, когда работница библиотеки – судя по юной нежной спине, совсем молодая девушка, обернулась ко мне. О, Боже – да ведь это была Наташа. Такая же юная, красивая, но немного другая. Только удивительные глазки-солнышки были точно такие же: лучистые, веселые и озорные. Я даже не удивился, когда она мне, как совершенно незнакомому человеку приветливо сказала:

– Добрый день! А Вас, что интересует?

– Здравствуйте... – пробормотал я, не в силах совладать с волнением.

– Что с вами, – участливо спросила девушка. – Вам плохо?

– Нет-нет, мне очень хорошо...

– Позвольте, – вдруг пробормотала, как бы в замешательстве библиотекарь, – А я вас раньше никогда не видела?

Я чуть не сказал, что она не только видела меня, но и..., но потом промолчал.

– Вас как зовут? – вежливо поинтересовалась девушка.

– Меня зовут Денис. Я – приезжий. Впервые у вас в городе. Хотелось бы немного разобраться в некоторых вещах. А вас, как зовут?

– Я – Натали, – и она лучезарно улыбнулась.

От этой удивительно милой улыбки на сердце моем разлилось необыкновенное тепло. Словно солнечный напиток неторопливо рассасывался в теле. Затем мы долго подбирали мне книги. Я и сам не знал, что мне нужно. В конце концов, я нашел-таки для себя чтение – сильно потрепанный томик Всемирной истории. Вместе с Натали мы рылись в пыльных книгах на дальних стеллажах. Когда она легко вспорхнула на стремяночку к верхним полкам, я бережно придерживал шаткую лесенку, вместе с ее бесценным грузом. Перед самыми моими глазами тускло отсвечивали ее стройные, гладкие, в меру загорелые ножки. Я еле удержался, чтобы не погладить их.

Когда Натали спустилась, то не удержалась и громко чихнула, нанюхавшись, пыли. При этом резко нагнулась. И ароматные колечки ее волнистых темно-каштановых волос неожиданно коснулись моего разгоряченного лица. От нее пахло теми же нежными и теплыми цветочными духами, что и в прошлое наше знакомство. И я не выдержал больше! Не в силах сдержать эмоции, я привлек ее к себе и нежно обнял. Она подняла на меня свои прекрасные, удивленные очи, но не возразила и не освободилась. Два больших, почти по-детски наивных глаза с удивлением и ожиданием смотрели на меня. Минуту мы смотрели так, друг на друга, молча, а потом поцеловались...

Еще я раздобыл в библиотеке старый географический атлас и внимательно изучил его. И вот что я там увидел. Две трети суши на планете были выкрашены золотым цветом. Это была территория огромной империи, над которой, поистине, никогда не заходило Солнце.

Оказалось, что самое большое и мощное государство современности это Великая Испанская империя. Она была всеобъемлюща – большая часть Европы, почти вся Америка, Филип-

пины, Австралия, многочисленные территории в Азии, Африке и Океании. Нынешняя Испания была огромна и всемогуща. Правда, кроме нее в мире существовало много мелких зависимых, полузависимых и суверенных территорий. Кроме Великой Испании, есть еще Персидская империя, которая включает Малую Азию, Ближний Восток, Индостан и Центральную Азию, где очень большое население. И вот, между этими двумя гигантскими державами веками продолжается ожесточенное единоборство, в стремлении завладеть новыми землями. И именно сейчас – период очередного обострения этого яростного противостояния. Дело, возможно, близится к очередной войне. А войн этих, за передел мира, немало было уже и в прошлом.

Мозги мои постепенно закипали. Я никак не мог понять – это я сошел с ума и поэтому ничего не понимаю? Или весь мир вокруг меня слетел с катушек и на космической скорости мчится в пропасть? Может я, в самом деле, схватил на почве увольнения депресняк, переросший в тотальную шизофрению? И сейчас нахожусь в психлечебнице? Но Натали не была похожа на санитарку или психотерапевта. Она была похожа на очень миленькую библиотекаршу. Для проверки я спросил ее:

– А ты знаешь, что такое бифуркация?

– О-о, я знаю абсолютно все слова на букву Б..

– Почему это?

– У меня профессия на Б. – Натали заразительно рассмеялась. – Есть такой старый железнодорожный анекдот, про мужчину и женщину, едущих в одном купе. У нее была профессия на букву Б – библиотекарь.

– Бифуркация – это научный термин, который означает различные изменения, можно даже сказать, метаморфозы каких либо объектов, при изменении параметров, от которых они кардинально зависят.

– Вот так вот, – глубокомысленно изрек я, – а попроще?

– Ну, как тебе объяснить, – вздохнула девушка, – слово происходит от латинского *Bifurcus*, что в дословном переводе означает «раздвоенный». То есть, когда изменяется какой-то один, возможно, совсем незначительный фактор, это приводит к бесконечной цепи всевозможных превращений и, в конечном итоге, полному или всеобъемлющему изменению всей системы.

– А причем здесь тогда раздвоение? – В голове у меня не к месту возникла странная аналогия с раздвоенным языком змеи.

– Мелкое изменение могло произойти, а могло и нет, – терпеливо, как маленькому, стала объяснять Натали. – Вот тот момент, когда это случается и есть место возможного раздвоения.

– Понятно, – пробормотал я, и стало очевидно, что все равно не понятно.

– Ну, смотри, – раздражаясь, воскликнула библиотекарь – течет река, потом русло натывается на непреодолимую преграду, которую не может размыть вода! И река разделяется на две ветви, два русла. Произошла бифуркация. В медицине так обозначают деление кровеносных сосудов или трубчатых органов, таких как бронхи, например, на два равнозначные ветви.

Я радостно закивал, чувствуя, что, наконец, до меня дошло. Решив сменить тему, я задал еще пару вопросов об истории и политике, а потом, довольно бестактно поинтересовался, чем девушка занимается вечером. Наверное, нет особого смысла объяснять, что в этот же вечер мы с Натали встретились. И в следующий тоже. А все наши встречи заканчивались одинаково. И вообще она оказалась большой шалуньей.

ПАКЕТ ИКОНОСТАСА

«Тебе надо продержаться всего неделю, от силы – две» – объяснял мне Иконостас. Мы были с ним в каком-то светящемся пузыре то ли из пленки, то ли из электромагнитного излу-

чения. Сумасшедший директор с включенными волосами и бешеными глазами тряс меня за плечи и орал: «Денис, все зависит от тебя! Я завишу от тебя! Мир зависит от тебя!»...

Я вдруг мгновенно проснулся. Полежал, глядя в потолок и соображая, где я есть. Потом вспомнил, что это дом деда Кагора. Я постарался выкинуть из памяти несуразные картины недавнего сна. Потом, смутно вспоминая события вчерашнего вечера, повернулся на бок и увидел, как в окна моей комнатухи заглядывает рассвет.

Меня уже давно мучил вопрос, что мне всучил с собой Аностас. И сегодня я решил окончательно это выяснить. Кроме денег и бумаг бывший шеф передал мне еще один небольшой пакет из плотной бумаги. В нем находился еще один из толстого темного целлофана. Целлофан был запаян, и мне пришлось основательно потрудиться, чтобы вскрыть его. Внутри лежала небольшая деревянная коробочка, этакая шкатулочка с секретом.

Небольшой ящичек из какой-то ценной породы дерева размером был невелик. Я сразу отметил редкую ручную работу, красивую текстуру самой темно-коричневой древесины, узоры и украшения, нанесенные на нее рукой неизвестного мне мастера. На верхней крышке был искусно выгравирован странный герб или, вероятно, символ. Каких либо швов или пазов разглядеть было совершенно не возможно. Как я не пытался открыть коробочку, мне так и не удалось ее открыть. Можно было подумать, что это просто брусок дорогой древесины. На передней панели находились три маленьких глазка, похожие на стекло. Возможно, это были какие-то индикаторы. Один из них светился тусклым зеленым огоньком.

Устав от этого бессмысленного и бесполезного занятия, я забросил деревяшку обратно в свою сумку. Потом оделся и отправился в город. Всего через пару кварталов я достиг тихого, пыльного скверика, где неподалеку находилась хорошо мне знакомая пельменная. Девушка с хула-хупом уже была там. Костюм на ней оказался другой, а вот фигура был по-прежнему великолепна. И, конечно, я не мог не отметить ее прекрасную физическую подготовку. Пластиковый круг вокруг ее талии вращался непрерывно, пока я ее мог видеть.

Перекусив и вновь вспомнив, как я здесь впервые познакомился с Наташей, я отправился гулять по городу. Улица, по которой я двинулся неспешным прогулочным шагом, носила имя некоего Бориса Чердынцева. Она была обсажена ровными рядами каштанов и древних, разлапистых лип, своими ветвями накрывавших посеченный временем асфальт тротуаров. За деревьями прятались двух- и полутораэтажные старинные каменные дома.

Улица Чердынцева вывела меня на бульвар. Здесь было тоже много зелени – клены, тополя, березы. Вдоль плиточной дорожки разместились красивые с изогнутыми спинками деревянные скамьи. На одной из скамеек кто-то забыл местную газету, и ветер небрежно листал ее измятые страницы. Я присел и взял в руки брошенное типографское изделие. Прямо с первой страницы кричащий заголовок сообщил мне, что в наш коррихемьенто прибывает Великий Коррехидор Сантана де Лос Аспиранту. Он собирается проинспектировать части местного гарнизона и штаб пограничного округа. С ним будет целая свита генералов и полковников из самой столицы. Дальше я с интересом прочитал кучу светских новостей и криминальной хроники. Местный спорт меня вовсе не заинтересовал. Оставив потрепанное, с блеклыми фотографиями издание там же, где его и нашел, я отправился дальше.

По дороге я случайно повстречал Макса. Он шел мне навстречу понурый и задумчивый. Однако, когда мы практически сошлись на тротуаре, мальчик поднял на меня глаза. Я не был уверен, что он меня узнал, однако мальчуган мне улыбнулся и прошел мимо. Вскоре я уже был в библиотеке, где теперь знал все самые дальние уголки между стеллажами.

– Натали, – а есть такая страна Швеция?

– Есть. Она на самом севере Европы. Эта страна не была завоевана Испанией. Ей удалось отстоять свою независимость и сейчас она владеет значительной частью побережья Балтийского моря.

– А ты не знаешь где город Воронеж?

– Нет, не знаю. Вовсе не знаю, что есть такой город.

– А Москва есть?

– Москва? – Переспросила девушка. – Москва где-то есть. Я точно не помню. Это центр какого-то небольшого княжества в самом центре Восточно-Европейской равнины, в окружении непроходимых болот и лесов.

– Так, ладно. А что такое коррехидор и коррехимьенто?

– Ну, это просто, коррехимьенто это – округ в переводе с испанского. А тебе-то это зачем? В наших Восточных провинциях сохранили местные традиционные названия административных единиц: округ, уезд, волость. У нас Хоперский округ Донской провинции. А коррехидор – это исправник. Он надзирает за чиновниками и судьями, следит за порядком и честностью служащих. Кто у нас Коррехидор? А вот Великий Коррехидор, про которого ты прочитал в газете, это он и есть – Сантана де Лос Аспиранту. Он прибывает завтра или послезавтра с генеральной инспекцией.

Грядет новая большая война. Причем, буквально в ближайшем будущем. Нам – нашему округу и самому городу грозит нашествие. Судя по слухам (хотя военные все скрывают) несметные орды кочевников уже движутся с востока, из бескрайних степей, прямо сюда. Далекая восточная Хао-Цинская держава, включающая в себя Китай, Корею и Японию, вступила в военный союз с персами. У японцев – самая передовая техника, у Китая – бесчисленные людские ресурсы. И теперь Восточная Империя гонит железной метлой все кочевые народы из Азии в междуречье Волги и Дона. Все сейчас говорят только об этом. Еще говорят, что армия и корпус Пограничной Стражи возвели на Востоке несколько рубежей практически неприступной обороны. И только на это надежда у всех.

Случайно в книге мне попалось имя Христофора Колумба. Тогда я почему-то вспомнил, как однажды Аностас, крепко выпив на нашем корпоративе, громко заявил, что если бы у него была машина времени, он лично отправился бы в пятнадцатый век и прибил бы этого чертового Христофора Колумба до того, как тот открыл Америку. Так вот, каково же было мое удивление, когда я узнал, что кто-то его и в самом деле зарезал. В Генуе, в 1489 году, в портовой таверне ему воткнули алжирский нож прямо в сердце, в пьяной, бессмысленной драке. Убийца, выглядевший крайне странно, ухитрился бесследно исчезнуть, поэтому преступление осталось безнаказанным. Я прочитал об этом в энциклопедии. Поэтому так получилось, что Америку никто вовремя не открыл, а вся мощная агрессивная экспансия конкистадоров обрушилась на Европу.

Полчища испанских идалго вместе с отрядами покоренных ими сарацинов вторглись в ослабленную столетней войной Францию, потом на Апеннинский полуостров. А затем неудержимой волной они хлынули в Германские земли, в Дунайскую долину и на Балканы. Европа стала сплошным полем битвы на целый век и была, в конце концов, покорена кастильцами и арагонцами вся, вплоть до границ Польши и Скандинавии.

Великая Армада в 1588 году благополучно достигла берегов Англии и высадила там огромный десант мавританских головорезов, который полностью уничтожил на острове все живое. Поэтому англосаксов в этом мире просто нет! Америку же значительно позже открыли португальцы и, вместе с Испанией, всю ее колонизировали и заселили. Сейчас это сплошь кастильские провинции и земли португальской короны, входящей в унию с Испанией. Поэтому и США в этом мире то же нет!

Одной из жесточайших войн той эпохи стала Тридцатилетняя война. Она полыхала почти по всей Европе, но больше всего досталось германским землям. Здесь разворачивались бесчисленные битвы и сражения. Время от времени французские или шведские войска одерживали верх, но в целом победа почти всегда доставалась кастильцам. Испанская терция – тактическая единица испанской армии, считалась практически непобедимой. В итоге шведы были отброшены обратно в Прибалтику, остатки французов и голландцев вытеснены в низовья Рейна,

Мааса, Шельды и Сены, к побережью Северного моря. А вот германские, австрийские, чешские и балканские земли стали навсегда частью великой Испанской империи.

Мир был иным, чем я его знал. Было невозможно понять и поверить, что того, иного мира больше нет. Что-то произошло во время грозы, и я оказался в ином пространстве, в ином измерении. В нем все было другим. И, скорее всего, враждебным. Здесь было лишь одно, что могло утешить меня. То единственное, что меня радовало – здесь была удивительная Наташа, Натали, по-новому! Договорившись с ней встретиться вечером, как обычно, после ее работы, я, потрясенный, ушел.

Мозг у меня кипел, как овощной суп. Что же это так? В мире, который я невзначай посетил, клокотала новая Большая История. Грядет большая война. Приближается непонятный враг с востока. Бесчисленные орды кочевников надвигаются из степей. Персы, арабы, афганцы, уйгуры, пенджабцы, сикхи – все движутся сюда. Грядет великое нашествие!

БУРЯ

День, совершив свою всепогодную титаническую работу, уже завершал бег, когда вдруг стал подниматься ветер, взявшийся словно бы из ниоткуда. Ураганные порывы пронеслись между кварталами, клоня деревья и раскачивая провода.

Ветер, словно сорвавшийся с цепи и опьяневший от этого неожиданного счастья дворовый пес, мчался, не разбирая дороги по улицам. Он то бежал, то вдруг останавливался, не в силах поверить в свою свободу. То ерошил перья птиц, то раскачивал деревья, то срывал с них листья и по-хулигански швырял ими в немногочисленных прохожих. Он, то скрывался в проулках, то вдруг вылетал, как сумасшедший, на бульвар и несся по нему сломя голову, отчаянно разнося окрест бумажный мусор и пластиковые пакеты. Время от времени провода электропередачи смыкались и разбрасывали ослепительные снопы разноцветных искр.

Ветер, превратившийся в ураган, словно говорил – грядет буря. Немногочисленные прохожие обратились в бегство. Промчалась какая-то машина. Пробежала женщина, безуспешно пытавшаяся поймать свой, улетевший зонт. Продавщица из табачного киоска торопливо закрывал металлические ставни. **ГРЯДЕТ БУРЯ!** Я поднял голову и замер, увидев грозную, почти фантастическую и завораживающую картину.

Гигантский, необъятный темно-фиолетовый купол, как тень ядерного «гриба», накрыл уже почти весь небосвод. Его нижняя, темно-нефритовая вогнутая сторона, обращенная к земле, наползая на город, напоминала широко открытый зев жуткого доисторического чудовища, готового сожрать все на свете. Но вот чудовищный «колпак» закрыл все небо, опрокинув темень на землю. Последние лучи светила поглотила тьма. Ударил раскат грома, содрогнувший всю вселенную. Угольную черноту угрюмого неба прочертила молния – яркий столб нечеловеческого света. Гроза надвигалась просто безумная.

До первых капель ливня я успел добежать до своей машины. Благо, что библиотека была всего в двух кварталах от кинотеатра «Победа». И тут обрушилась чудовищная по тяжести своей, целая стена воды. Это был водопад – просто Ниагара какая-то. Невероятная супер-молния обрушилась на окрестности, осветив всю улицу, каждое здание и каждое дерево до последнего листочка. Космический треск бешеного громого раската полностью атрофировал мои барабанные перепонки и тут машину сильно потрянуло.

Пока я тряс головой, приходя в себя и возвращая слух, гроза вдруг, как-то стремительно прошла. Тучи схлынули с небосвода, утих гром. Несмотря на закрытые окна машины, мне почудился странно знакомый запах. Я огляделся, как бы приходя в себя после чудовищного разгула стихии. Вода слилась с лобового стекла «Жигулей» и я увидел...

Что солнце стоит в зените! А я сижу в машине на дороге среди дубов! А прямо посреди безлюдной дороги, в тени кроны огромного старого дуба, в инвалидном кресле странной кон-

струкции, лицом ко мне, сидит безобразно тощий, крайне неопрятно одетый мужичок с неестественно подогнутыми ногами.

Я вышел из машины и задумчиво подошел к нему. Пьянчуга медленно открыл блеклые, непонятного оттенка конъюнктивитные глаза и удивленно гукнул, увидев человека.

– Ты кто? – спросил он, протягивая руку к пресловутой бутылке с водкой.

– Я? Ну, кто я? – на секунду я задумался – Ван Хельсинг.

– Ух-ты! Борец, ик, с нечистью... – инвалид гулко икнул.

– А чаво ж тебя, Ван Гельсинх, принесло с этой стороны? Отсея, дорога только к кладбищу, больше никуда!

– Так уж вышло, – коротко бросил я, возвращаясь в авто.

– А ты не помнишь ли, мил человек, кого еще, кроме Пабло Эскобара, полиции арестовать-то удалось? – вслед мне крикнул колясочник.

Я только пожал плечами, а алкоголик жалобно пустил слезу. Я даже не спросил его, почему он тут один и поехал дальше. Всего через 100 метров дубы расступились, и я увидел, что вместо дома престарелых здесь громоздятся какая-то длинная, черная, двухэтажная казарма. Дальше дорога шла лесом, вот только кладбища почти не было видно! Пару тройку крестов я увидел среди деревьев и какой-то большой склеп. И все – больше ничего! С другой стороны дороги разместилась огромная свалка. Похоже, там еще было автомобильное кладбище. Местами были видны целые горы старых автомашин, груды железа, холмы старых автопокрышек. Среди них высились старые ржавые станки, какие-то механизмы, разобранные агрегаты непонятного назначения и прочий совершенно непотребный металлолом.

Микрорайон из пятиэтажек встретил меня на том же месте, где и был несколько дней назад. Только среди них появились еще шести- и двенадцатиэтажные здания. А вот вместо завода справа от меня оказался гигантских размеров железнодорожный узел с неисчислимым количеством путей. На них стояли вагоны, локомотивы, целые эшелоны цистерн и платформ с грузами, укутанными брезентом. Под некоторыми тентами отчетливо просматривалась бронетехника.

Улица змеей ползла среди бесчисленных одноэтажных домиков с красными и зелеными черепичными крышами, почти вдоль железной дороги. На одном из домишек мелькнула табличка с названием улицы. Но это вовсе не была «Победа Разума», как я наивно предполагал. Оказывается, это была улица «Матьяша Хуньяди». Кто такой этот Хуньяди, мне было неизвестно. Странно, получается, что я свернул не туда. Но это было совершенно невозможно. Я был готов поклясться, что еду по той же самой улице, что и прежде. Вот, справа за домами показался железнодорожный вокзал. Хорошо была видна вдалеке так понравившаяся мне водочка. Еще немного, я преодолеваю переезд, еще пара сотен метров по улице и...

Поперек проезжей части стоял автобус, полностью заблокировав движение. Я вышел, ничего не понимая, из машины. За автобусом был перекресток, а по поперченной улице шествовал строй солдат в необычной форме.

Ровными рядами по восемь человек, держа равнение направо, проходили мимо молодые крепкие парни, одетые в светло-синие мундиры и такие же форменные брюки. На них были темно-коричневые ремни с подсумками, мягкие погоны, высокие кепи в тон форме с небольшим козырьком. На ногах тяжелые высокие ботинки. Через каждые 12 рядов шел офицер в красивом мундире с аксельбантом, фуражке с высокой тульей, лаковых сапогах и белых перчатках. Я стоял недвижимо, буквально разинув рот, и безмолвно наблюдал за проходящими мимо меня рядами бравых молодцов, гулко вколачивавших каблуки подкованных башмаков в асфальт.

Вдруг где-то рядом оглушительно взвыла сирена, моргающим светом полыхнула мигалка, и из-за угла вырвалась черная, с белыми лаковыми полосами и серебряным копьём вдоль всего борта, патрульная машина. Из нее вылезли три здоровяка в серой форменной одежде, с малень-

кими серебристыми копьями на отворотах мундиров, в фуражках и одинаковых черных туфлях на каблучке и направились прямо ко мне.

– Что здесь делаем? – сурово спросил старший, с тремя звездочками.

– Стою просто, – пробормотал я пораженный повторением – смотрю.

– А чего смотреть-то? Это венгерские гонведы. Пока они у нас в городе расквартированы, а вот ты что за птица?

– Я просто проезжал мимо.

– Войска у нас проходят, а ты здесь глазеешь! Может – ты шпион?

– Да, Вы, что с ума сошли? Какой я шпион?

– И сумасшедшей видали.. – рассердился страж.

Тут же следом подъехала другая машина, и из нее выбрался уже знакомый мне Алькальд – Алексей Николаевич. Но, неожиданно, оказалось, что теперь у него совсем другое имя.

– Добрый день! Я уездный Ассессор – Алексис Николас фон Войрш.

– А-а, я, – меня прямо затрясло, так что я не мог выговорить ни слова.

– А вы? – вежливо, но твердо настоял фон Войрш.

– Денис, меня зовут, – наконец выговорил я.

– Де-е-низ, – как-то не по-русски выговорил Алексис, словно пробуя незнакомое слово на вкус. – Видите, сударь, у нас назревают серьезные события. Войска вот прибывают. А граница отсюда совсем не далеко. Недолго и вражеских лазутчиков дожидаться. И тогда они о-го-го... Ну, вы понимаете.

– Нет, – я решительно затряс головой – ничего не понимаю.

– Ну, что же вы упорствуете-то, голубчик?

– Я вообще не военный, господин Войрш, – истово глядя в глаза Ассессору, отрапортовал я, – простой турист. А они вот пристали..

– Ну, на моих стражей обижаться, совершенно не стоит. Они свою работу выполняют. И выполняют хорошо!

– Это я понял.

– Ну, вот и хорошо! Значит, говорить будем?

– О-о-о! О чем?

После долгих и бессмысленных препирательств меня, все же, отпустили. Так как прохидивших мимо гонведов пытался сфотографировать туповатый корреспондент Марченко, стражи после меня сразу переключились на него. А я немедленно отправился к деду Егору. Сначала я, кажется, слегка заплутал в одинаковых тенистых улицах. Но затем, оставив машину у кинотеатра, я быстро выбрал нужное направление. Наконец, я пробрался на улицу Рябинову. Однако, у меня уже не было абсолютно никакой уверенности, что она все еще так называется.

ОЧЕРЕДНОЕ ЗНАКОМСТВО

Улица оказалась Каштановой. В целом она осталась такой же тихой и безлюдной, лишь дома стали больше и солидней. Сад Кагора оказался словно бы еще гуще и непроходимей. Но вот дорожка, по-прежнему была, причем, даже асфальтированная. И вдоль нее трава была аккуратно скошена. В конце дорожки виднелась беседка, вся заросшая плющом. Когда я вошел, то первым увидел Кагора, одетого в синюю фланелевую рубашу и темные, мягкие штаны. Редкие, но жесткие, сильно седые волосы его задиристо топорщились на голове с небольшой лысинкой на макушке. Был он выбрит, хоть и не чисто, а из-под кустистых широких, почти нетронутых сединой бровей внимательно глядели ярко-желтые, волчьи глаза.

– День добрый! – как можно приветливей произнес я.

– Во-о, как! Народ-то совсем обнаглел, понимаешь! – Еле выговорил Стас, поднимая ослепевшие глаза на меня и почесывая майку на груди.

– И кто ты такой, парниша, и чего тебе надобно? – поинтересовался Егор.

– Меня зовут Денис! – робко сообщил я.

– Кто-кто, кто ты такой?

– Денис, – смелее ответил я.

– Обнаглели, точно говорю, дядь Жор, – бурчал пьяный Стас.

– Странно, твое лицо мне как будто знакомо.

– Мне бы комнату, – просительно проговорил я.

После недолгой пытливой беседы, дед смилостивился.

– Ну, ладно, пошли хоромы смотреть, – заявил он, вставая.

В комнате (в моей комнате!) находились хорошо мне знакомые предметы мебели – шкаф, стол, стулья, кровать и коврик на стене. А вот моя дорожная сумка оказалась в машине. Спустя полчаса я вернулся в сад, где меня ждала все та же компания и очень мне сейчас нужный алкоголь. Я тут же опрокинул стакан и протянул его снова хозяину. Тот только ухмыльнулся и вытащил из-под стола другую бутылку.

– Выпивка, Денис, это то, единственное, что делает человеческое существо счастливым, – нравоучительно сообщил дед Егор.

– Как это, – удивился я?

– А вот так. Сiju это я, скажем так, в печали. Горе у меня, к примеру. Взял я бутылочку, подумал о бедах своих, горестях. О сложной внешнеполитической обстановке, так сказать. Подумал-подумал, да и выпил стаканчик. Пробежала водочка по пищеводу, всосалась, побежала по жилушкам. Стало мне тепло, в голове немного зазвенело. И несколько о проблемах подзабыл.

– И все, – поинтересовался я?

– Что ты, это только начало! Посидел я, посидел, да и второй стаканчик опрокинул. В голове замутнело, мозги стали легкие-легкие, как вата! И все мои проблемы..

– Под черною водой, – неожиданно запел пьяный Стас.

– Да, ну, тебя, окаянный, – махнул Кагор рукой на собутыльника, уже съехавшего с катушек. – Беды и горести, станут какими-то далекими, словно бы смотришь на них через подзорную трубу, только с другой ее стороны – с уменьшением. Тут я позову Станислава, и мы с ним выпьем по третьей.

– Ага, по третьей, – глухо донеслось из-под стола, – у меня-то первая!

– Не усугубляй! – Буркнул дед, пнув Стаса под столом. – А после четвертой мозги очистятся, от затянувшего их тумана, и ты вдруг поймешь: «Жизнь прекрасна!» Внутри тебя забегает водочка, словно младенец свежими пяточками тебя легонько потопчет изнутри, и станет тебе хорошо-хорошо! – Егор, умолк и мечтательно засмотрелся на стенку беседки.

– Ну, голова же ты, дядь Жор! – донеслось снизу.

– А вот что будет завтра, – хмыкнул я?

– Завтра? – Переспросил дед, постепенно возвращаясь к действительности и взглянув на меня. – Какой же ты, однако, противный, Денис! Завтра будет похмелье. Но, не зря же говорят: «коли тебе так плохо сегодня, значит, вчера было хорошо».

Разговор в беседке тянулся еще долго. Стас очнулся и вылез из-под стола. А вот дед перебрал. И вправду Кагор. Но перед этим мы со Стасом услышали новую его теорию о внутренней сущности человека.

Вот все они передвигаются по улицам, чинно здороваются, ходят в гости, поздравляют друг друга с праздниками и днем рождения. Милейшие люди, готовые сто раз на дню повторять: «не будете ли Вы так любезны, всего Вам доброго, не соблаговолите ли выслушать!» Встретив знакомого, будут широко улыбаться, а прощаясь желать здоровья и удачи!

Но стоит им только ощутить, что они могут остаться безнаказанными, и сразу же, каждый человек быстро становится вором, насильником, грабителем, а то и убийцей. Как говорится, не твори зла, пока тебя могут вычислить! Ведь, не зря же были созданы библейские заповеди. Да-да, те самые: не убий, не укради, не прелюбодействуй. Большинство из тех, кого ты знаешь, как добропорядочных граждан, уже завтра будут красться в темноте с пистолетом или ножом в руке, подкарауливая свою очередную жертву. Только страх возмездия и неотвратимого наказания оставляет людей в облике терпимых и толерантных членов общества...

Я не мог не согласиться с уважаемым Кагором и его глубокомысленными выводами. Наконец, я оставил деда и его вечного слушателя и собутыльника, которые взяли петь на два голоса «Врагу не сдается наш гордый Варяг!», а сам направился в библиотеку. Она даже выглядела почти, как и в прошлый раз. Только теперь носила имя Конрада фон Гётцендорфа. И сотрудница была та же!

БИБЛИОТЕКАРЬ

Красивая, необыкновенно женственная библиотекарь сказала мне только, что ее зовут не Натали, а Наталика. Наше новое знакомство оказалось как бы и не нужно. У меня создалось впечатление, что она меня помнит, но, скорее всего, как постоянного читателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.